

НАШИ ТАМ

ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ

ХРОНИКИ МАКСИМА ВОЛГИНА

Наши там (Центрполиграф)

Игорь Вереснев

Хроники Максима Волгина

«Издательские решения»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Вереснев И.

Хроники Максима Волгина / И. Вереснев — «Издательские решения», 2019 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08786-7

Максим Волгин не искал приключений, они нашли его сами. Летняя ночь обернулась для него бесконечным полднем таинственного мира под изумрудными небесами. Прежняя жизнь ростовского десятиклассника закончилась, уступив место реальности куда более невероятной, чем любой фантастический фильм или игра. Остановить ее, «выключить» невозможно. Остается надеяться на верный станнер, плечо друга и собственную удачу – если хочешь выжить, победить и вновь увидеть звезды и синее земное небо.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08786-7

© Вереснев И., 2019
© Издательские решения, 2019

Содержание

Пролог,	5
Часть первая	8
Глава 1,	8
Глава 2,	16
Глава 3,	28
Глава 4,	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Игорь Береснев Хроники Максима Волгина

Пролог, в котором еще ничего не понятно

Это был не Саракш – однозначно!

Максим больно ударился пальцами о колдобину, чертыхнулся. Дорога едва угадывалась в сгущающейся темноте. Если на кургане асфальт еще уцелел, то дальше, в овраге, от него остались одни ошметки. Страшно представить, во что шоссейка превращается к концу осени, когда пойдут затяжные дожди.

Ни осенью, ни зимой, ни весной Максиму бывать здесь не доводилось. Зато каждое лето гостить у бабушки считалось священной обязанностью. И «гостить» – это такой эвфемизм. В действительности приходилось и сорняки полоть, и картошку копать, и воду из колодца таскать – водопровод в Антракопе отродясь не водился. Смешно: двадцать первый век на дворе, адронный коллайдер построили, а канализации и водопровода нет!

Впрочем, это ему жизнь в захолустном поселке казалась смешной и нелепой, потому как мог сравнивать с родным Ростовом. Димке Мёрзлому, единственному сверстнику и единственному приятелю Максима здесь, Антракоп сравнивать было не с чем. И пилить пешком четыре километра в соседнюю Луначарку, чтобы посмотреть в клубе новый фильм, казалось вполне обыденным.

Сегодня крутили вторую часть «Обитаемого острова». Первая произвела на Мёрзлого впечатление неизгладимое, потому и продолжение пропустить он никак не мог.

Максим уже смотрел фильм весной, когда шел тот в нормальных городских кинотеатрах. Смотрел, как положено, с долби-звуком и стаканом попкорна. Во второй раз пошел за компанию, рассудив, что прогуляться летним вечером всяко лучше, чем огород поливать. Не учел одного – возвращаться по темноте придется, спотыкаясь о колдобины.

Мёрзлый на сгустившиеся сумерки и плохую дорогу внимания не обращал. Он весь был на далеком Саракше.

– Классный фильм! Жалко, про космос ничего нету. Я про космос больше люблю. Самый зачетный – «Звездные войны». Вот там мочилово! Бах – и нету планеты! Бабах! Бабах! Фьють-фьють-фьють! Круто! И этот, как его... Ну, где наши с жучилами воевали?

Он вопросительно посмотрел на Максима, но тот ничего не ответил. Фильм «о войне с жучилами» он либо не смотрел, либо забыл его начисто. Тогда Димка вздохнул, задрал голову к небу, где сквозь сгущающуюся черноту проступали россыпи звезд. Остановился:

– Интересно, где этот Саракш находится?

– Нигде он не находится, придумали его.

– Да ладно тебе, «придумали». Планета такая ж есть где-то, а, Макс? Где? Я вон ту знаю, Венеру. А по астрономии какие учат?

В Луначарской школе учителя астрономии не было, и Димка об этом очень жалел. А Максим, наоборот, жалел, что ему с астрономией не повезло так, как приятелю. Вообще-то

на везение ему грех было жаловаться – и в лотереи сколько раз выигрывал, и в футбольный тотализатор. Но на школу оно почему-то не распространялось.

– Большую Медведицу, – буркнул первое, что смог вспомнить.

– А где она, покажешь?

– На севере. Пошли, нефиг стоять посреди степи.

Но Мёрзлый никуда не торопился.

– Слушай, а что ты бы делал, если б попал на этот Саракш? А, Мак-Сим? – и противно гыгыкнул. – Хотел бы такое приключение?

– Блин, ты прямо как малой! – не выдержал Максим. Димка иногда бывал наивным до опупения, не скажешь, что через год школу заканчивает. Деревня, одним словом. – «Что делал», «что делал» – это кино, понимаешь? Его придумали. Нет никаких «саракшей» и «звездных войн». Это малышня верит во всякую фантастику. И ты.

– Чё сразу «малой»? По шее дать, да? Я, между прочим, на полголовы тебя выше и на полгода старше. «Малой»... Не, я б не отказался туда попасть.

– Да пошли уже! Жрать охота, реально. С обеда ничего не хавали!

– И чтоб я там крутым был, как твой тезка, и неуязвимым. И телки красивые чтоб западали...

Да, это был не Саракш.

Когда они добрались до оврага и начали спускаться, стемнело окончательно, дорога угасала единственно по зарослям желтой акации вдоль обочины. И Димка, наконец, вернулся на землю:

– Вот я дурак! Новолуние же на этой неделе! Фонарь взять надо было!

Максим оглянулся на него.

– Ты хотел сказать – полнолуние? Ну и толку? Ничего эта луна не освещает, разве что себя саму.

– Гонишь? Я чё, по-твоему, новолуние от полнолуния не отличу? Была б полная луна, сейчас бы шли, как днем. А так... вон она, только-только появилась.

Волгин посмотрел на тоненький серпик над оврагом, спросил неуверенно:

– А там тогда что светится?

– Где? – Димка оглянулся. Большой желтый диск висел прямо за их спиной.

С минуту друзья стояли молча, переводили взгляд с одной «луны» на другую. Было тихо, лишь трещали сверчки в степи да журчал ручеек на дне оврага.

– Может, на моцике кто едет? Сверху, над обрывом?

– Не, не едет он, на месте стоит.

– И какого черта стоит?

– На нас смотрит.

– Думаешь, ему нас видно? Ни фига, тут темно как в заднице.

Они подождали еще. Глаза, успевшие привыкнуть к темноте, различали кроны деревьев, кустарник.

– Край оврага глянь где, – прошептал Максим. – Это штука выше светится. Что там, башня?

– Ага, противобаллистическая...

Шутка получилась не смешной. Димке сделалось как-то неудобно, зябко. Он поежился невольно... и вдруг желтый диск перестал быть диском, превратился в мощный прожектор! Луч, яркий, не рассеивающийся, пронзил черноту ночи, унесся куда-то в степь, в сторону Антракопа. Провернулся, чиркнул по склону оврага, осветил каждую колдобину на дороге. И замер, поймав в фокус две человеческие фигурки.

Димка присел от неожиданности. Тут же опомнился:

– Мотаем отсюда! Быстро! – и, показывая пример, рванул вниз, в темноту.

Луч не хотел отпускать, упрямо цеплялся за спину. Он держал в перекрестье света и ужаса – ужаса перед неизвестным и непонятым, – так что волосы поднимались дыбом, а ноги делались ватными. Что это, Димка не знал. Но понимал, что если не улизнет, не спрячется немедленно – да хотя бы не закричит! – то обмочится постыднейшим образом. Но напрудить в штаны со страху – это было бы не самое плохое. О самом плохом не стоило и думать.

Он дико взвизгнул и сиганул в сторону, прямо в густые, увенчанные двухсантиметровыми колючками заросли. Проломил их, словно ослепший, не чувствуя боли носорог. Колючки рвали рубаху и джинсы, в кровь раздирали кожу, но он не замечал этого. И уж тем более не думал, что влетит от родителей за безнадежно испорченную одежду. Он вообще ни о чем не думал. Подчинялся инстинкту – спастись, выжить. И когда толстая коряга схватила за ногу, опрокинула наземь, он сжался в клубок, накрыл голову руками, зажмурился. Старался не то что не двигаться, а и не дышать.

Когда осмелился открыть глаза, приподнять голову, вокруг было темно. Димка полежал немного, потом встал, медленно, осторожно, кривясь от боли в исцарапанном теле, выбрался из зарослей. Желтый диск исчез.

– Макс? – несмело окликнул он.

Никто не ответил. Только трещали сверчки и шумел ручей на дне. Димка набрался смелости, позвал во весь голос:

– Макс! Макс, ты где?!

Часть первая

Самое большое приключение

Глава 1, в которой Максим не верит своим глазам

– Он спит, вы пришли слишком рано!
– Я пришел вовремя. Он спал достаточно, пусть просыпается.
– Будить его – это неправильно. В церемонии первого пробуждения...
– Меня не интересуют ваши белые церемонии! Лучше скажите честно, магистр надеется, что уговорит криссов отдать этого дикаря вашему ордену? Ничего не выйдет! Я записал его во все геральдические списки. Он наш! Пусть просыпается. У меня все готово для церемонии приобщения.

Слова были понятными, но смысл дискуссии Максим уловить не мог. Ясно, что обсуждали, спит он или нет. И от результатов обсуждения зависело... Черт его знает, что от этого зависело! Поэтому он открыл левый глаз. А правый оставил закрытым.

Он лежал на кровати в незнакомой комнате с белыми стенами и потолком. Больничная палата? Мотоциклист их все-таки сбил, козел. Интересно, что с Мёрзлым?

Максим подумал о друге... и тут же забыл о нем. Потому что посмотрел на людей, стоявших возле его кровати. Пожилая женщина – врач? – была одета в белую блузу без рукавов и смешные, будто надутые изнутри штанишки, тоже белые. Дополняла ее наряд белая шапочка, но не больничная, а какую надевают пловцы во время соревнований.

Одежда докторши была странной. Но стоявший рядом с ней высокий, черноволосый мужчина с длинным, крючковатым носом одет был еще забавней: оранжевая майка и короткая, выше колен, красно-оранжевая, словно пламя, юбка. Из-под юбки выглядывали голые волосатые ноги. Босые.

И докторша стояла босиком. Ногти накрашены белым, серебристые татуировки на лодыжках. Такие же оказались у нее на ладонях. В сочетании с выкрашенными в серебристый цвет бровями эффект был еще тот. Максим не решался определить, кто из этой парочки выглядел более странным. Нет, это не больница, а цирк. Или больница, в которой вместо врачей клоуны.

– Пробудился, – заметил его открытый глаз носатый. – Я, старший геральд-мастер славного Оранжевого ордена, Пиаррадо Савай, приветствую тебя, юноша! – И уже менее торжественным тоном добавил: – Вставай и одевайся. Пора приступать к церемонии.

Максим открыл второй глаз. И сообразил, что лежит абсолютно голый. Поспешно сел, схватил обнаружившийся у изголовья сверток – футболка и юбка, точно такие, как у носатого. Он хотел спросить, где трусы, но почему-то постеснялся. Не только люди, но и правила в этой больнице были странными.

– Так как же тебя зовут, юноша? – спросил Савай, едва с одеванием было покончено.

– Максим. Максим Волгин.

Он стоял, переминаясь с ноги на ногу. Футболка была впору, носить же юбки ему прежде не доводилось, потому казалось, что та вот-вот сползет. Или задерется, обнажая чего не надо.

– Мак-Сим-Вол-Гин, – повторил Савай, растягивая слова и не следя за ударением. – Неблагодарно и примитивно. Сократим до Мак-Гин.

– С какой радости? – возмутился Максим, обиженный за свои имя и фамилию. Мало того что юбку заставили напялить, так вдобавок Макгином каким-то называться требуют. Что он им, шотландец, что ли? – Меня Максим зовут. Ну, Макс можно.

– Маакс, – попробовал на зуб и это слово носатый. – Это не имя, а дикарское прозвище. Ладно, пусть останется пока. Позже подберем тебе хорошее, достойное члена славного Оранжевого ордена имя. Пошли, нам пора.

Лишь теперь Максим заметил, что разговаривает Савай странно. Он слышал звук его голоса, видел, как шевелятся губы, но слова не попадали им в такт. Такое бывает в дублированных фильмах. Причем дубляж наложили поверх оригинальной звуковой дорожки.

Обдумать это странное свойство как следует Максим не успел, – слишком много непонятного валилось на голову. А носатый схватил его под локоть и потянул за собой.

– Счастливой тебе жизни! – пожелала на прощание врачиха. И серебряные татуировки ее вдруг вспыхнули золотом.

– Ага, спасибо, – машинально кивнул Максим, уже не в силах удивляться.

Через минуту он понял, что ошибся в своих способностях. Все, что происходило в палате, было так, цветочки. Ягодки поджидали снаружи. Они вышли прямо сквозь окно, одновременно оказавшееся и дверью на широкую террасу с белыми – может быть, мраморными? – колоннами. За террасой начиналась изумрудно-зеленая лужайка и дальше – парк. Деревья, какие прежде Максим видел разве что в кино, да и то твердой уверенности не было, цветочные клумбы, такие огромные, что весь Антракоп поместился бы на любой из них, бассейны, похожие на озера, впадающие и вытекающие из них ручьи и речушки со скалистыми гротами и водопадами. Но самым странным было не это. Самое странное находилось вверху. Максим как поднял голову, так и застыл. И рот сам собой раззявился.

Небо тоже было ярко-зеленым, изумрудным. Не голубым!

– Это... где это? – только и смог спросить он у носатого.

Тот самодовольно улыбнулся, вскинул руку, обвел широким жестом все вокруг:

– Этот прекрасный мир, мой юный Маакс, называется Вирия. Ты проснулся в Рекреационном центре Белого ордена. Там, – указал он на юг, – находятся Радужные Фонтаны, Галерея Фантазмов, Ристалища. Напротив – Дворцы Церемоний, самое изумительное место, которое можно представить... Впрочем, ты и представить не сможешь. Ничего, скоро ты сподобишься все это лицезреть.

Максим поворачивался вслед за рукой Саваей на север, восток и запад. Потом сообразил, что стороны света он придумал. Где на самом деле находятся восток и запад, было не понять – ярко-желтое солнце висело в зените, посреди изумрудного неба. Он видел это собственными глазами, но поверить в такое не мог.

– Это Америка, да? – спросил первое, что пришло на ум.

Савай запнулся на полуслове, снисходительная улыбка медленно сползла с его лица. Помолчав недолго, он признался:

– Я не знаю, что ты называешь этим варварским словом. Никогда его не слышал. Возможно, в твоём мире наш именно так и зовут. Но это – Вирия! Запомни, юноша.

Откуда-то сверху и сбоку к их ногам упал низкий удобный диванчик с подлокотниками. Нет, не упал – завис в дециметре от пола. Савай плюхнулся на него, похлопал по сиденью рядом:

– Присаживайся!

Максим подчинился, уже и вовсе ничего не соображая. И в следующую секунду диванчик рванул с места! Проскользнул между колоннами, понесся над лужайками, над цветниками, то приподнимаясь на пару метров, то прижимаясь к земле. От скорости перехватило дыхание. Главное, было непонятно, как носатый управляет этой штукой? Он даже пальцами не шевелил.

– Послушайте... – Максим постарался, чтобы голос звучал твердо. Это нелегко сделать, когда летишь верхом на диване со скоростью пятьдесят километров в час! – Я не знаю, зачем меня сюда привезли, но я хочу вернуться домой. Я требую встречи с российским консулом!

Савай покосился на него удивленно.

– Юноша, даже я не смею «требовать» встречи с консулом. Зачем тебе это? Хочешь, чтобы тебя записали в другой орден? Вряд ли ты добьешься успеха. Что в тебе такого особенного, что консул станет хлопотать перед криссами об исправлении всех свитков? И вдобавок ордена с таким смешным названием в Вирии нет. Поверь, я знаю, о чем говорю. Кроме Оранжевого и Белого, имеются Красный, Желтый, Зеленый...

Максим не понял ни слова из этого пространного объяснения. Потому упрямо тряхнул головой.

– Я не хочу ни в Красный, ни в Желтый, ни в серо-буро-малиновый! Я хочу домой, в Ростов! Ростов-на-Дону, вы слышали о таком городе? Это в России! А мы сейчас где?!

Носатый засмеялся.

– Маакс, там, откуда тебя привезли, нет никаких городов, только дикарские стойбища. Город – это Вирия! Похож твой Ростю на Вирию?

– Нет, но...

Договорить он не успел. Земля внизу вдруг оборвалась, и диван рухнул вниз, заставив испуганно охнуть. И вновь раскрыть рот от изумления.

Оказывается, все цветники, деревья, дворцы, озера и водопады находились... на террасе огромного, невообразимо огромного здания! И ниже был следующий ярус. Диван развернулся, нырнул под его своды, в прохладный рассеянный свет невидимых фонарей. Понесся по бесконечным коридорам, сквозь залы с уходящими на десятки метров вверх потолками, сквозь колоннады, сквозь живую драпировку зеленых, алых, разноцветных лиан. Все было настолько грандиозно и... невозможно! Подозрение, что его выкрали и вывезли за границу, начинало улетучиваться. Какая там Америка...

– Я домой хочу, – заикаясь, прошептал Максим.

– Конечно, я и везу тебя домой, – не спорил Савай.

Диван замедлил скорость, приземлился. Носатый тут же вскочил, поднял театральным жестом руку:

– Прошу!

Часть стены мгновенно сделалась прозрачной. Нет, она исчезла, открывая внутренности помещения!

Это были настоящие апартаменты, вся трехкомнатная квартира Волгиных уместилась бы здесь с легкостью.

Максим осторожно прошлепал босыми ногами через комнату. Пол был устлан чем-то гладким, мягким, похожим на линолеум. Но идти по нему было куда приятней, чем по линолеуму. И пол был теплым...

– Отныне это твой дом. Осваивай, изучай, – посоветовал ему Савай. – Понимаю, за последний час ты увидел больше чудес, чем за всю предыдущую жизнь. Тебе нужно привыкнуть. Потому оставлю тебя ненадолго. Скажем... на десять часов. Затем я вернусь, и приступим к обучению.

Он пошел назад к своему дивану. Но, не дойдя до стены, остановился, хлопнул себя по лбу, быстро вернулся назад. Улыбнулся Максиму:

– Чуть не забыл! Ты ведь наверняка голоден. Дикари всегда хотят есть!

Едва сказал, и на столе в углу комнаты возникло блюдо с непонятными оранжевыми шариками, политыми густым желто-прозрачным соусом. Максим отпрянул от неожиданности.

– Ешь! – предложил Савай. – Это роклераны под музкаррой, вкусно. У вас в лесу такого нет. Разумеется, цивилизованному человеку не пристало жрать, как животному. Но ты пока незнаком с обеденной церемонией и даже с правилами быстрой еды, так что тебе можно.

– Откуда они взялись? Их же не было?

– Ты совсем дикий, Маакс! – удивился Савай. – Когда человек голоден, он зовет кормителя, когда нужна одежда – одевателя, когда требуется лететь – летателя. Для этого в голове каждого человека есть пониматель. Только у маленьких детей их нет и у дикарей. Но тебе криссы его вживили, не беспокойся.

Последняя фраза Максиму не понравилась. Он быстро провел рукой по голове, но никаких шрамов не нащупал, и волосы были на месте. Хотя, вживлять можно по-разному. Решив разобраться с этим позже, он подошел к столу, разглядывая невесть откуда появившееся угощение. Он и в самом деле проголодался, пора было перекусить.

– И чем его есть можно? – любопытствовал.

– Пальцами, чем же еще. Ешь, как ты привык у себя в... Рос-Тоэ.

Спорить и рассказывать о ложках и вилках Максим не захотел, потянулся к тарелке. Но Савай вдруг закричал, брезгливо замахал руками:

– Постой, не сразу же! Как так можно, на тебя ведь смотрят? Дождись хотя бы, пока я тебя покину, – и поспешно метнулся к выходу.

– Сам сказал – «как привык», – пробубнил ему в спину Максим.

Но все же дождался, пока стена комнаты «зарастет», отделяя его от усаживающегося на летающий диван Савай. Лишь после этого пододвинул к столу удобное кресло – нормальное, не летающее, – подтянул к себе блюдо и, подцепив крайний шарик, отправил его в рот.

В первый миг не понял, на что это похоже по вкусу, слишком необычными оказались ощущения. Потом догадался: печеночный паштет, приправленный сладким до невозможности сгущенным молоком. Максим терпеть не мог печенку во всех ее видах и не любил сгущенное молоко. А уж одновременно...

Он скривился от отвращения, готовясь выплюнуть полупережеванный шарик. Но куда выплевывать? Не на пол же, блистающий первозданной чистотой! Он попытался протолкнуть сладкий комок вниз по пищеводу. Желудок сжался, не желая принимать отвратную пищу. И Максим понял, что если проглотит, то в следующее мгновение выблюет. Нет, следовало выплевывать, пока не поздно!

Он не видел, откуда появилась стайка мелких серых мошек. Будто прямо из воздуха сгустились и принялись виться перед носом. Он отмахнулся, и, не в силах больше держать во рту печеночно-сладкий ком, сплюнул под стол. Мошки устремились вслед за плевком. Несколько секунд – и тот исчез.

– Ничего себе! – изумился Максим. Повелительно указал на тарелку: – Тогда и это убери, я таким не питаюсь.

Мошки подчинились. Две минуты – и тарелка заблестела, как вымытая. Еще через минуту не осталось и самой тарелки. Мошки покружили-покружили над столом и растаяли в воздухе.

– Здорово у вас здесь уборка организована, – похвалил неизвестно кого Максим.

Однако есть хотелось все сильнее. И он прикинул, чего бы возжелать? Хотелось всего и много, но... неизвестно ведь, как работает этот их «кормитель». В конце концов, он решил не рисковать, остановиться на самом простом – бутерброде. С сыром. И большой красный помидор в придачу.

Подумано – сделано. О тарелке Максим забыл, бутерброд с помидором возникли прямо на столе. Ерунда! Бутерброд был большущий, аппетитный, пах свежим сливочным маслом. И вкус у него был правильный! Именно такой Максим себе и представил.

Он с наслаждением проглотил половину и взялся за помидор. У помидора тоже были правильные вкус и запах. Но, впившись в него зубами, Максим сообразил – что-то не так. Сок не брызнул. Вкусный спелый помидор, но без сока. Однородная плотная внутренность, только корочка настоящая... Похожая на настоящую.

Он опасливо отложил помидор, посмотрел на остатки бутерброда. Нет, в бутерброде как будто все правильно – хлеб, масло, сыр. Бутерброды на грядках не растут, их делают, хоть в Ростове, хоть в Рио-де-Жанейро. Максим запихнул кусок в рот – чтобы не разглядывать, – начал быстро жевать. Когда носатый объяснял фокус с «роклеранами», Максим решил было, что все дело в телепортации. Но теперь, посмотрев на помидор и вспомнив, как работают мушки, в своей догадке очень сильно усомнился. Что, если этот «кормитель» не только кормитель, но и делатель продуктов? Запросто! Если мошки умеют разбирать еду на молекулы, то почему бы не уметь и собирать? Хоть печеночный паштет, хоть бутерброд, хоть помидор, хоть арбуз.

Пробовать собранный мошками арбуз Максиму не хотелось категорически. Вместо этого он возжелал кока-колу. Сок, конечно, полезнее с любой точки зрения, но пусть уж здешние умельцы химию делают, чем фрукты. И он не ошибся в выборе – кока-кола ничем не отличалась от настоящей.

Покончив с обедом, Максим встал, прошелся по комнатам. Заглянул в шкафчики, на полки, прикинул, где здесь могут быть ванная и туалет. Видимо, «удобства» тоже надо возжелать. Но ни первого, ни второго пока не требовалось, поэтому он направился к стене, сквозь которую попал в комнату. Уперся в нее взглядом, возжелал дверь.

Он был почти уверен, что с дверью ничего не получится. Но та мгновенно «нарисовалась»! В точности такая, как была в его квартире: прямоугольная, коричневая, с золотистой ручкой. Максим нажал на ручку – взвизгнули давно не смазываемые петли, дверь отворилась. «Ты б еще замок с защелкой возжелал!» Затем выглянул в коридор, где бесконечные анфилады уходили в обе стороны. Сразу стало ясно, что без летателя здесь не обойтись. Никаких сил не хватит пешкодралом выйти из этого домика.

Летатель возжеланиям не подчинился. Отчаявшись вызвать самодвижущийся диван, Максим вернулся в комнату и повалился на широченную мягкую кровать под балдахином. Пришло время хорошенько все обдумать...

Итак, это была не больница, однозначно. Секретный институт? Лаборатория? Его похитили, чтобы ставить какие-то опыты? Логично, но... увиденные чудеса зашкаливали даже по меркам самой наисекретной лаборатории. Хоть американской, хоть японской, хоть какой.

Разобраться, где он находится – и как отсюда сбежать! – с нахрапу не получалось. Следовало попытаться вспомнить, как он сюда попал. Что было после столкновения с мотоциклистом?

Вдруг его осенило: а был ли мотоциклист?! Что он помнит? Они с Мёрзлым возвращались поздно вечером из кино. В овраге их догнал... фиг знает кто. Димка заорал «бежим!», и... бежать Максим не смог. Проектор не только ослепил, но и парализовал его. И когда свет приблизился, он вырубился. А проснулся уже здесь и услышал, как носатый Савай разговаривает с врачом-клоунессой...

«Нет, стоп!» – оборвал себя Максим. Было еще кое-что. Помещение без стен, без потолка, как будто состоящее из яркого белого света. Он лежал там... или висел в воздухе? Не вспомнить, но это не важно. Рядом с ним были... не люди, хоть и похожие на людей. Существа с зеленоватой кожей, огромными выпуклыми глазами. И они что-то с ним делали, но больно не было, только щекотно в голове. А Савай сказал, что ему вживили «пониматель». Не тогда ли? Нет, бред! Такого не может быть!

Неожиданно Максим заметил, что освещение в комнате изменилось и у предметов появились тени. Он рывком сел, оглянулся. Противоположная стена стала прозрачной. Вся цели-

ком превратилась в громадное, многометровое окно. Он вскочил, подбежал к нему. Панорама, открывшаяся за окном, была величественна и... невообразима. Внизу лежала долина, прорезанная ручьями и речушками, усеянная небольшими рощами темно-зеленых деревьев, похожих то ли на ели, то ли на кипарисы. Долина тянулась далеко, на многие километры. Но не исчезала за горизонтом, а упиралась в отвесную стену, с еле различимыми на таком расстоянии циклопическими колоннадами, арками уходящих вглубь коридоров. В стену монументального здания, подобного тому, в каком находился Максим. И крыша того здания тоже была частью покрытой зеленью долины. Какая уж тут секретная лаборатория! Он словно смотрел фантастический фильм в 3D. И поставлен этот фильм был куда круче, чем «Обитаемый остров».

Внезапно сверху свалился летатель. В первый миг Максим подумал, что это Савай перелетел и вернулся раньше назначенного срока. Но на диване сидел не носатый. Вообще не человек.

Как бы подтверждая, что все происходит на киноэкране, к окну подлетело зеленокожее лупоглазое существо. Замерло, не мигая (или оно и мигать не умело?) уставилось на отпрянувшего Максима. И лишь когда тот начал медленно пятиться к противоположной стене, так же резко взмыло вверх и исчезло над кромкой этажа-террасы.

Да, это был фантастический 3D-фильм. Единственная неувязка – Максим не сидел в зрительном зале. Он оказался внутри фильма.

Савай вернулся ровно десять часов спустя, как и обещал. Снисходительно улыбаясь, подошел к скорчившемуся в углу комнаты Максиму.

– И что, юноша, ты освоился в своем новом жилище? Отдохнул?

– Там... – Максим мотнул головой в сторону стены-окна, – зеленый такой прилетал, с глазами...

– Это крисс, – не удивился Савай. – Ты что, прежде не видел криссов? Криссы построили все, что ты видишь и чем ты пользуешься. Они сделали нашу жизнь удобной и безопасной, достойной цивилизованного человека. Криссы заботятся о нас.

– Так это и правда... это не Земля, да? Конечно не Земля! Прошло десять часов, а солнце так и стоит в зените! И небо зеленое! На Земле такого не бывает!

– Разумеется, это никакая не «земля», не «песок» и не «болото». Это Вирия, я же тебе говорил, Маакс. В ваших диких лесах...

– Я жил не «в диких лесах», а на Земле! Понимаете, на Земле – это такая планета! Небо там голубое, а не зеленое. А ночью – черное, с луной и звездами! И я хочу туда вернуться. – Максим чуть не всхлипнул. – Пожалуйста, отпустите меня!

Савай помолчал, разглядывая его. Затем произнес задумчиво, как будто размышлял вслух:

– Я мог бы подумать, что ты болен. Но я лично забрал тебя из рекреационного центра, а Белый орден чрезвычайно скрупулезен в своих церемониях. Значит, ты здоров, просто у тебя слишком развито воображение. Что ж, это неплохо! Я вижу, чем ты сможешь заняться на Вирии. Галерея Фантазмов – ты рожден для нее! Вполне вероятно, ты станешь мастером-творцом иллюзий, – весьма почтенное занятие. Только Маакс, мой совет – никогда не путай свои фантазии и реальность.

Он вновь улыбнулся. Уже не насмешливо, а вполне по-дружески. И Максим понял – не сон. Не бред, не фантазия, не иллюзия. И даже не 3D-фильм. Все, что с ним происходит сейчас, – взаправду! Он никогда не верил во всех этих НЛО, пришельцев и контактеров. Не верил в «потусторонние чудеса». Но оказывается, они случаются и с теми, кто в них не верит. И глупо плакать, просить, что-то доказывать, требовать «немедленно вызвать консула Земли». Глупо и смешно. Он влип в приключение, о котором не мечтал и которое не заказывал. Его, Максима Волгина, похитили и увезли на другую планету, на эту проклятую Вирию! Зачем,

почему, с какой стати именно он попался? Пусть бы забирали Димку Мёрзлого! Тот же хотел приключений, вот и попробовал бы. А Максиму это на фиг не надо! Ему за глаза хватало приключений в компьютерных играх и кино. Он не просил...

– Что, Маакс, – голос Савай разом оборвал мечущиеся в голове мысли, – займемся изучением церемонии облачения в одежды?

Солнце в Вирии не заходило никогда. Это было странно – видеть его над головой и ложась спать, и просыпаясь. Вернее, выполняя церемонию отхода ко сну и церемонию пробуждения. Здесь и шагу нельзя было ступить без церемоний. Чихнуть или кашлянуть – и то не вздумай! Максима это начало раздражать уже через несколько дней. И раздражал Савай, обучающий всем этим премудростям. Хотелось послать его подальше... Но куда уж дальше?! Поэтому он терпеливо, час за часом, выполнял предписанные ритуалы.

А часы на Вирии тоже были странные. В каждом – сто минут, в минуте – сто секунд. И в дне часов было сто, и в году – сто дней. Короче здешние секунды или длиннее земных, Максим определить не смог, их отсчитывал сидящий в голове пониматель. Очень удобно, не запутаешься в мире, где нет утра, ночи и вечера, нет весны, осени и зимы. В мире, где тянется бесконечный летний полдень. Из года в год, из тысячелетия в тысячелетие.

Савай не докучал историей и географией, хоть Максим не отказался бы узнать, откуда взялись на этой Вирии люди, в точности такие, как на Земле. Но нет так нет. В их занятиях вообще не было ничего от привычной школы. Зачем зубрить, если пониматель подскажет все, что пожелаешь? Цивилизованному человеку достаточно знать церемонии своего ордена, чтобы занять подобающее место. Но зато церемонии нужно было знать в совершенстве.

Иногда Савай делал перерывы в занятиях и устраивал для своего подопечного экскурсии верхом на диванчике. Максим пытался прикинуть расстояние, но мир вокруг был так необычен! Пониматель твердил о десятках, сотнях километров, а город все не заканчивался. Разве подобное возможно? Или вся Вирия – один сплошной город? Точнее, та половина планеты, что обращена к солнцу. Однако должна же быть и другая? Если с одной стороны все время день, то с другой должна быть сплошная ночь.

Что такое «ночь» Савай не понимал. Он никогда не видел черного неба, звезд. Он даже не слышал о них!

Чаще всего целью их экскурсий были Фантазмы, эдакие «художественные галереи». Попавший туда человек оказывался пленником иллюзий, неотличимых от реальности. Одни из них смешили, другие забавляли, удивляли, восхищали. Были и такие, что пугали до дрожи. Савай твердил, что предаваться фантазмам – самое достойное занятие для цивилизованного человека, после церемоний, разумеется. Но для полноты картины познакомил своего подопечного и с другим развлечением вирийцев – ристалищами, спортивными состязаниями. Состязания тоже были самые разнообразные: для детей и взрослых, для мужчин и женщин, для быстрых и неторопливых, для азартных и сосредоточенных. Некоторые казались такими жестокими, что напоминали бои гладиаторов. Впрочем, до смертоубийства здесь не доходило. Белый орден тут же увозил раненых в свои рекреационные центры, наверняка на попечение какого-нибудь лечителя.

А вот кроме церемоний, фантазмов и ристалищ вирийцы больше не занимались ничем. То есть абсолютно ничем! Никто! Когда Максим понял это, то был ошарашен – не может существовать целая планета бездельников. Потом убедился – может. Ни работать, ни учиться местным не требовалось, они все получали на халяву. Им даже посуду мыть и полы подметать не приходилось! Единственной заботой было не вымереть со скуки, но с ней они справлялись успешно. Максиму стоило поучиться этому искусству – если он собирался примазаться к здешней халяве.

Примазываться он не собирался. Он хотел одного – вернуться на Землю. Но придумать, как это сделать, не получалось. Пока на четырнадцатый день своего пребывания в Вирии не познакомился с Гоэльтом и Тальдой.

Глава 2, в которой Максим узнает, что такое двери

Максим сидел у прозрачной стены-окна, смотрел на белеющую вдалеке границу долины, на крохотные, еле различимые деревца верхнего яруса. Мечтал угнать диван и лететь, лететь... Почему-то казалось, что как только увидит над головой звезды, мигом найдет способ вернуться на Землю...

– Приветствуем тебя, Маакс!

Летатель свалился ему едва не на голову. Максим дернулся от неожиданности, вскочил. Хотел было высказать все, что думает о таком вопиющем нарушении церемонии знакомства. И улыбнулся. Парень и девушка, русоволосые, широколицые, похожие друг на друга, как брат и сестра, одеты были необычно: рубахи с длинными рукавами, вместо опостылевших юбок – шорты ниже колен. Спортивная форма – немедленно подсказал пониматель. Однако носить ее за пределами ристалищ считалось неприличным. Увидел бы этих двоих Савай, скривился бы, как от кислого. Но они плевать хотели и на Саваю, и на его церемонии. Так же, как и Максим!

Он кивнул им в ответ:

– Привет!

– Разрешешь войти в твою жилище?

– Заваливайте.

Окно растаяло, превращаясь в проем. Парень, а за ним и девушка ловко впрыгнули в комнату прямо с дивана, заставив тот укоризненно пискнуть и опрокинуться. Но на него никто внимания не обратил.

Визитеры были ненамного старше Максима, но куда здоровее – и выше ростом, и шире в плечах.

– Разрешить представить... – начал было парень.

Максим не дал ему договорить. Пониматель уже сообщил имена и «представления» были всего лишь данью опостылевшим церемониям.

– Да ладно тебе! Ты – Гоэльт, капитан руббольной команды, она – Тальда, центрфорвард. А меня, кстати, Максом зовут, а не Ма-а-а-аксом.

– Как скажешь.

Парень ухмыльнулся, прошел вглубь комнаты, плюхнулся в кресло.

– У нас к тебе дело. Не хочешь поиграть в команде? Есть место запасного.

Максим недоверчиво хмыкнул. Демонстративно смерил взглядом фигуры гостей, затем согнул руку в локте, потрогал свой хилый бицепс.

– Думаешь, у меня подходящая комплекция для этого?

Гости переглянулись. И захохотали.

– Понимаешь, – отсмеявшись, объяснил Гоэльт, – сила, ловкость, скорость – это, конечно, важно. Но главное в игре – упрямство и злость.

– Характер, – подсказала Тальда.

– Да. Ты родился в свободном мире, потому нам подходишь. А это, – Гоэльт тоже согнул руку и щелкнул по вздувшемуся бицепсу, отчего тот чуть ли не зазвенел, – дело наживное. Потренируешься и такие же накачаешь.

Максим пожал плечами.

– Спасибо, но меня руббол не интересует. Я собираюсь вернуться домой.

Визитеры вновь переглянулись. Тальда подошла к столу, оперлась об него задницей. Тут же завела руку за спину, вынула из воздуха что-то желто-зеленое, продолговатое, откусила, принялась жевать. Поинтересовалась:

– Макс, а как ты собираешься вернуться домой?

– Пока не знаю.

– Путь, которым ты сюда попал, не устраивает?

Максим нахмурился. Издеваются они, что ли? Может, не нужно было им признаваться, что он хочет сбежать?

– Я не помню, как меня сюда привезли, – признался он нехотя.

Гоэльт кивнул, ничуть не удивившись его словам. И объяснил:

– Четыре года назад меня точно так же похитили и притащили сюда. А Тальду украли, когда ей было всего девять лет. Мы с ней с одного мира, хоть наши селения стояли и далеко друг от друга. Мы все – дикари, Макс. И мы хотим вернуться домой так же, как и ты. – Помедлив, он процедил сквозь зубы: – Назло проклятым криссам!

– Проклятым криссам! – повторила за ним Тальда с набитым ртом.

Это было даже не нарушением церемонии, это было... Криссы – спасители и благодетели, твердил Савай каждый день. Отзываться о них так грубо было кощунством, святотатством. Преступлением!

Максим изумленно уставился на новых знакомых. А они смотрели на него. И ждали. Он никак не мог понять, чего они ждут? Потом сообразил.

– Проклятые криссы! – произнес громко и четко. И добавил: – Жабы!

Вообще-то говоря, обзывать так зеленых человечков было не справедливо. На Вирии они построили настоящий рай для людей. Или коммунизм – Максим не уверен был, чем эти две вещи различаются. Не исключено, и его они привезли сюда с благими намерениями, и ждет его здесь жизнь лучшая, чем на Земле. Наверняка лучшая! Он уже успел оценить и кормителя, и мошек-уборщиц, и многое другое. А когда станет членом дурацкого «апельсинового» ордена, и вовсе будет как сыр в масле кататься.

Однако была во всем этом райском житье-бытье одна заковыка. Если криссы такие великодушные-сердобольные, то почему честно все не объяснят людям на Земле? Многие бы с радостью согласились переселиться. Это ж мечта – отхватить пожизненную халяву! Так зачем они тайком действуют, исподтишка? Похищают людей, словно бандиты какие. Нехорошо это, неправильно.

– Жабы? – удивленно переспросил Гоэльт. Захохотал: – Точно, зеленые жабы! Как я сам не додумался? Будем их называть между собой жабами. Местные все равно не поймут, жабы здесь не водятся. Не то что у нас – в каждом болоте. Зеленые, прыгучие, лупоглазые. Как криссы!

– У вас на планете жабы водятся? – Максим чуть не подпрыгнул. – Так вы тоже с Земли?! Ваш мир называется Земля?

Гоэльт перестал смеяться, недоуменно посмотрел на подругу. Та лишь плечами пожала.

– Мы называем его «наш мир» или «мир людей», – как бы извиняясь, объяснил парень. – «Планета», «Земля» – таких слов я не слышал. Может, в каком-нибудь селении его и так называют. Наш мир большой, больше, чем Вирия.

– А какого цвета у вас небо? Ночь у вас бывает?

– Что такое ночь? – удивилась Тальда.

Максим сокрушенно вздохнул. Нет, они были не с Земли.

Минуту в комнате царило молчание. Наконец девушка подошла к Максиму. И неожиданно погладила его по голове.

– Не сокрушайся ты так. Раз криссы привели тебя сюда, значит, и в твой мир есть дверь.

– Какая дверь? – не понял он.

– Ну, дверь, как в стене. Только те двери – между мирами. Криссы шастают в них и воруют людей. И меня так украли, и Гоэльта, и тебя. Многих! Они уверены, что мы глупые, сами не найдем дорогу назад. Но мы не глупее этих... жаб!

У Максима дух захватило. Двери между мирами?! Как он сам не догадался!

– Где?! Где они находятся?

– Не все так легко, – покачал головой Гоэльт. – Мы уже два года их ищем. Иди ко мне в команду, будешь и ты искать...

Руббольная команда Гоэльта состояла из пятнадцати человек: одиннадцать парней и четыре девушки, все без исключения бывшие «дикари». И все без исключения – участники заговора. Свободное от тренировок и соревнований время они посвящали не церемониям, как подобает добропорядочным жителям Вирии, а рыскали по окрестностям в поисках «известно чего». Они прочесывали леса и долины, заглядывали в каждый грот и туннель, шныряли по террасам и жилым ярусам всех орденов. Они вели себя более чем подозрительно!

Первое время Максима пугала такая беспечность. Их тайная организация скорее походила на детскую игру в сыщиков и шпионов. На Земле их в два счета раскрыла бы любая, самая завалящая спецслужба. Но потом он успокоился: на Вирии спецслужб не существовало, а криссам, похоже, было безразлично, как проводят досуг подопечные.

Пока Максим не стал полноправным членом ордена, летатель ему не подчинился, так что искать дверь приходилось в паре с Тальдой. Поначалу он немного робел. Кто не оробеет рядом с девушкой на голову тебя выше и едва ли не вдвое шире в плечах, с эдаким женским вариантом Шварценеггера? Затем привык. Тальда не умничала и строить из себя «старшую» не пыталась, не нудела по каждому пустяку. Она любила поболтать, но это Максим недостатком в данных обстоятельствах не считал и вскоре знал о Вирии все, что знала девушка.

Солнце висело все же не в самом зените, потому предметы отбрасывали коротенькие тени, позволявшие судить о сторонах света в этом мире. На «юг» город простирался на добрых две сотни километров до теплого, спокойного моря. Или еще одного озера, но очень большого? Тальда не знала – никто никогда не пытался преодолеть его. И не знала, как далеко тянутся ярусы зданий и разделяющие их долины на «западе», «севере» и «востоке». По ее словам, летатель натыкался на невидимую границу и везти дальше отказывался. Максим подозревал, что именно за этой чертой и находятся двери в другие миры. Но рубболисты упрямо твердили, что там не только дверей, а вообще ничего нет, потому летатели и не летают. Понять и принять такое объяснение Максим не мог. Оставалось ждать, когда он станет полноправным членом ордена, получит власть над диваном и сможет организовать собственную экспедицию. Ждать, к сожалению, было еще долго.

Если поиски двери занимали большую часть времени, то большая часть сил уходила на тренировки. Руббол чем-то напоминал американский футбол. Матч длился десять раундов, каждый продолжался до тех пор, пока одна из команд не опустит тяжелый скользкий мяч в свою лузу. Кто сколько мячей насобирает, тот столько очков и заработает, за исключением последнего раунда, победа в котором давала два очка. Все просто и понятно. Вдобавок у игроков не было защитного снаряжения, потому иногда матч перерастал в свалку и потасовку. Да, Димке Мёрзлomu такое развлечение понравилось бы. Не хуже, чем с «заводскими» после дискотеки махать.

Максим драться не любил. Да и какое удовольствие драться, когда все участники матча – хоть соперники, хоть товарищи по команде – в два-три раза сильнее тебя? Вдобавок куда выше ростом. Гоэльт это прекрасно понимал. С ростом Максима он сделать ничего не мог, зато его бицепсами-трицепсами занялся всерьез. Каких только тренировок не придумывал! Бегать вокруг поля с мячом под мышкой, отжиматься с сидящей на загривке Тальдой – это были самые легкие из упражнений...

Пятьдесят седьмой день на Вирии для Максима начался, как обычно. Он повалился в мягкой, повторяющей каждый изгиб тела постели, заказал сюда же завтрак: колу и огромную, размером с ляжку поросенка, сосиску, запеченную в не менее огромной булке – это не обжор-

ство, организму калории требуются! Потом еще повалялся. Быстренько «переделал» постель в жесткое ложе, предписанное Гоэльтом, принял душ и к тому времени, когда в окно заглянула восседающая на летателе Тальда, был свежим и бодрым, готовым к утренней тренировке...

– Привет, Макс! – встретил их в дверях Оранжевого зала ристалищ Гоэльт. – Как настроение?

– Лучше всех!

Максим – это сделалось традицией – продемонстрировал бицепсы и уже проступающие квадратики пресса. Капитан улыбнулся, и вдруг, без предупреждения, резким выпадом саданул ему в живот. Максим ухнул, но удар выдержал, умудрился даже не скривиться от боли.

Гоэльт одобрительно похлопал его по плечу:

– Молодца! Почти готовый. Сегодня и опробуем тебя. На синих.

– Что ж ты раньше не сказал? – Максим чуть не поперхнулся. – Хотя бы вчера предупредил!

– Зачем? Ты бы волновался, спал плохо, не отдохнул бы. А так – ты в отличной форме. На весь матч силы у тебя пока не хватит, выпущу в десятом раунде. К тому времени мы их уможаем, но синие – они упрямые, до последнего бьются. Так что не расслабляйся.

– Да, они злые будут, когда мы у них все мячи заберем, – подтвердила Тальда. И заспешила к столикам в дальнем углу зала. – Ой, пойду зажую чего-нибудь. А то в животе урчит перед матчем...

Поле для руббола не походило на футбольное: сильно вытянутый равнобедренный треугольник, огороженный трехметровым прозрачным забором. Сегодня свободных мест в зрительных ложах осталось мало: команда Синего ордена, одна из самых слабых в Вирии, в этом сезоне выступала более чем успешно. Она даже пыталась конкурировать с признанными фаворитами – оранжевыми.

Начался матч, как обычно. Вспыхнул свет, выкатился первый мяч, и построенные в шеренги вдоль рёбер треугольника команды ринулись в атаку. Короткая свалка, оранжевые захватили мяч, погнали всей толпой к своей лузе, не позволяя соперникам вклиниться, мешать. Есть! Хронометр в голове Макса тикнул – первый раунд продлился одну минуту и семь секунд. Отлично! Это была тактика Гоэльта – не дать противнику опомниться, разгромить его сразу, обезкуражить быстро растущим разрывом в счете. А потом добивать. Тактика эта действовала безотказно. Она должна была подействовать и в этот раз – против синих-то!

Не подействовала. Во втором раунде синие перехитрили. В рубболе никаких особенных правил не было, каждый играл так, как хотел, лишь бы мячи попадали в лузу. И едва вспыхнул свет, половина синих кинулась не к мячу, а наперерез оранжевым. Гоэльт без труда завладел мячом, но непробиваемой стены из соратников вокруг него не было! Быстро прорваться к лузе не получилось. Раунд затянулся на добрых пять минут, и синие его в конце концов выиграли.

Третий раунд стал точной копией второго. И закончился тем же. В четвертом Гоэльт смог приспособиться к манере соперника и сравнять счет. Но в пятом синие поступили еще вероломней. Половина их команды ринулась через все поле к оранжевой лузе! И когда Гоэльт с товарищами принес туда мяч, на пути у них стояла стена.

В перерыве после пятого раунда Гоэльт провел первую замену. Вынужденную замену – у одного из их команды треснуло ребро. В шестом раунде синие затеяли драку, перегородив путь мячу. И хоть этот раунд они проиграли, но сумели выбить трех лучших игроков команды противника. В том числе самого Гоэльта: капитану оранжевых сломали челюсть.

К девятому раунду счет был пять – три в пользу оранжевых, а на скамейке запасных остался один Максим.

– Макс, нужно выйти на замену сейчас, а не в десятом, – попросила Тальда, ставшая на время капитаном команды. – Ильма выдохлась совсем, ей перерыв нужен. Если у нас потерь больше не будет, в последнем раунде она тебя опять заменит.

Выходить на поле было боязно. В рубболе ничего не защищало от детин в синей форме – ни маска, ни шлем, ни судья, ни жесткие правила. Только собственные кулаки. И плечи товарищей.

Яркая вспышка заставила Максима на миг растеряться. А в следующий – свирепая, разрисованная синими полосами и синим же бланшем рожа оказалась в полуметре от него. И еще ближе – кулак, смахивающий на кувалду. Бац!

У Максима из глаз искры посыпались. Все вокруг потемнело, верх, низ, право, лево поменялись местами. Потом он увидел серый пол и понял, что стоит на четвереньках. Ожесточенно замотал головой, вскочил, оглянулся. Оранжево-синяя куча-мала медленно катилась по полю, дергаясь то влево, то вправо. И надо было бежать к ней, вламываться внутрь, пытаться добраться до мяча, валить синие кегли... И огреть по полной.

Кучу Максим догнал. Но вломиться в ее середину... Он так и прыгал вокруг, хватая противников за плечи, пытаясь отдернуть их назад. Пока куча не замерла у синей лузы. Этот раунд они проиграли. Без Гоэльта схема игры у оранжевых рассыпалась. У Тальды не получалось видеть все поле целиком, распорядиться товарищами по команде. Она бросалась в самую гущу, словно носорог, но ее силы и мощи не доставало для победы.

В десятом раунде Максима не заменили. И раунд этот был похож на предыдущий, как брат-близнец. За исключением того, что от первого удара Максим сумел увернуться и сам двинул синему в ухо. Но куча-мала опять поползла к лузе соперников, и он только прыгал вокруг да лупил по спинам. И вдруг...

Он увидел, как сверкнул у самой земли золотистый бок мяча, и понял, что необходимо сделать! Упал на четвереньки, затем и вовсе прижался к полу и, изгибаясь, будто уж, пополз в самую гущу. По нему тут же прошлись, но он терпел, мяч – вот он! Дотянулся, уцепился, вырвал из чьих-то рук – то ли синих, то ли оранжевых. Закатил к себе под живот, обнял крепко. И так же по-пластунски попятился прочь из кучи.

О том, что мяча в свалке нет, рубболисты сообразили не сразу. Максим успел подняться на ноги и, согнувшись в три погибели, чтобы не уронить – скользкий, черт! – ринулся вдоль основания треугольника к оранжевой лузе.

Уйти далеко не успел. Его двинули по спине так, что еле на ногах удержался. Все, понял, – теперь повалят и отберут. Но тут за спиной влажно шмякнуло, охнуло, кто-то повалился на пол. И голос Тальды у самого уха проорал:

– Макс, беги, я их задержу!

Расстояние от лузы до лузы – пятьдесят шагов. Но пробежать его первым Максим не успел. Путь заступили двое – здоровенные, плечистые синие. Перегородили дорогу, выставили вперед кулаки. Максим сбавил шаг, не зная, что делать. Пять метров, четыре, три...

– А-а-а! – во все горло завопила Тальда и, обогнав его, ринулась на противников.

Она смела их одним махом. Все трое врезались в забор, отлетели назад, повалились на пол. Смотреть, что было дальше, Максим не мог. Сзади с гиканьем и уханьем неслась толпа. Но когда его догнали, повалили, грубо и больно ударив по ноге, золотой мяч вкатывался в лузу.

Вспыхнул всеми цветами радуги сигнал окончания матча, победно загредел гимн Оранжевого ордена, куча-мала начала распадаться, превращаясь в людей. Лишь один человек не шевельнулся. Тальда лежала ничком, уткнувшись лицом в серое покрытие пола. Из-под ее головы медленно расплывалась густая, темно-алая лужа.

– Тальда?! – Максим бросился к девушке, протянул руки. И не решился притронуться.

А минуту спустя на поле появились женщины в смешных белых одеждах, сверху опустился летатель, похожий не на диван, а на широкие носилки. Максима оттеснили в сторону, принялись радостно хлопать по спине, поздравляя с победой, с добытыми для команды решающими очками. Потом подхватили на руки, понесли. Сегодня он был герой, сегодня следо-

вало радоваться и праздновать. Горевать о павших товарищах время еще будет. Что ж это за порядки такие идиотские?!

Максим едва успел переодеться, как в Оранжевый зал вошел сам магистр ордена в сопровождении свиты.

– И где наш герой? – сочный бас вмиг заполнил помещение. Он так не вязался с внешностью этого невысокого, почти одного роста с Максимом, лысеющего человечка. – Где новичок?

Максима вытолкнули вперед. Магистр осмотрел его и остался доволен осмотром.

– Молодчина! А дай-ка я тебя обниму.

И в самом деле обнял. Нимало не обращая внимания на то, что Максим засипел от боли в помятых боках.

– Сразу видно – наш цвет, наш орден! Поздравляю! И с победой, и со... – магистр сделал многозначительную паузу, – вступлением в полноправные члены ордена!

Друзья по команде взревели одобрительно. Подскочил кто-то из свиты, опустил на плечи Максиму бархатную попону все того же, успевшего опостылеть оранжевого цвета. Магистр самодовольно улыбался, тряс ему руку. Кажется, ждал слов благодарности?

Благодарить Максиму не хотелось. Хотелось сорвать с плеч регалию, бросить под ноги. Крикнуть магистру и всем прочим: «Да мне плевать на ваш цвет, на ваш орден и на ваши игры! Только и делаете, что церемонии идиотские устраиваете, фигню всякую придумываете или смотрите, как такие же идиоты друг другу рожи бьют. Вам что, заняться нечем?! Лучше бы учились чему-нибудь – у тех же криссов! Вы хоть знаете, как их машины устроены?! Да вы тут дармоеды все! Дебилы!»

Ничего этого он не сказал. Ему и времени высказаться не дали. Магистр потрепал его по плечу и удалился, а Максима окружили успевшие набиться в зал болельщики. Его опять тискали, шлепали по спине, поздравляли. Он улыбался в ответ деревянной улыбкой. И ждал, когда это все закончится?!

А потом его осенило. Если он теперь полноправный член ордена, то означает это ни много ни мало, что он получил свободу передвижения?! И едва эта мысль блеснула в голове, Максим вырвался из объятий, растолкал всех, выскочил наружу, завопил:

– Летатель мне! Хочу летатель!

Разумеется, вопить не требовалось, можно было просто захотеть. Пять секунд – и диванчик опустился рядом с ним. Максим в который раз удивился – где же они прячутся, пока их не позовешь? – плюхнулся на мягкое сиденье и пожелал лететь как можно быстрее в рекреационный центр...

«Лететь как можно быстрее» с первого раза не получилось. Но все равно добрался он довольно быстро. Куда больше времени заняли поиски Тальды. Узнать девушку было нелегко. Чуть ли не с головы до ног она была укутана в толстый белый кокон. Только глаза снаружи, часть лба и одно ухо. Ну и кое-что еще, на что Максим старательно не смотрел. Хотя по размерам этого «кое-чего» он, собственно, Тальду и узнал.

Он подскочил к кровати.

– Тальда, ты как, живая?! А то я испугался, когда увидел, что ты лежишь и не двигаешься. Ты меня слышишь хоть? Тебе больно?

Ответить она не могла. Только смотрела на Максима широко открытыми глазами.

– Говорить не можешь, да? Тогда я буду спрашивать, если «да» – ты моргай, «нет» – не моргай, – подсказал он. – Поняла?

Тальда моргнула.

– Отлично! Знаешь, а мы выиграли, наказали этих синих уродов! Магистр приходил, принял меня в орден. А на фиг мне их орден? Выздоровеешь – и смогаемся отсюда.

Тальда радостно заморгала.

– Ага! Полетим с тобой далеко-далеко. Куда летатель донести сможет. А дальше пойдем пешком.

Девушка перестала моргать.

– Почему ты не хочешь? Вот увидишь – двери там! Не веришь? Я тебе точно го...

– Юноша, что вы здесь делаете? – внезапно оборвала их диалог невесть откуда нарисовавшаяся докторша, – Кто вам разрешил сюда являться?

Максим испугался было, но тут же опомнился – чего он собственно боится? Кто ему что сделает? Вспомнил, как разговаривал с белыми сестрами Савай. Подбоченился, вздернул повыше нос:

– До ваших запретов мне дела нет! Лучше расскажите, что с моей подругой?

Докторша нахмурилась. Белые брови ее вмиг налились синевой, татуировки на руках нехорошо замерцали.

– С вашей подругой ничего страшного не случилось – сотрясение мозга, несколько переломов, ушибы внутренних органов. Когда мы ее починим, она вернется домой, и сможете беседовать сколько захотите. А пока разговаривать ей вредно для здоровья. И ваше присутствие здесь вредно для здоровья. Особенно – для вашего. Если вы немедленно не удалитесь, то останетесь здесь надолго. На очень долго.

Голос врача не повышала, но угрозу ее Максим понял. Хватило тона, каким та была произнесена. И он сообразил вдруг, что не так уж много знает об этом мире. Крайне недостаточно, чтобы нагнать и лезть на рожон.

– Извините. Я не хотел...

Он попятился к прозрачной стене. Он таки струхнул. И чуть не забыл пожелать, чтобы в стене появился проем. Или забыл, и это врача пожелала за него? А еще она пожелала вышибить Максима пинком из палаты, так, чтобы он с размаху шлепнулся на свой диван. Тот кувыркнулся и понесся прочь от рекреационного центра. Только тогда Максим опомнился, перехватил управление. Мысленно почесал макушку и спросил сам себя: «А что это было?!» Ответа на этот вопрос он не знал. Но, кажется, за нарушение правил в здешних играх могли наказать гораздо строже, чем он думал.

Спустя пять дней, когда синяки почти сошли, а от царапин и ссадин не осталось и следа, Максима разбудили в неурочное время. Солнце все так же светило с изумрудного неба, но часики в голове подсказывали: «Еще ночь, до утренней тренировки три часа с гаком». Тем не менее Гоэльт стоял рядом с кроватью и бесцеремонно тряс его за плечо:

– Вштавай, вштавай быштрей! – Челюсть восстановилась пока не полностью, и капитан команды смешно шепелявил.

– Что стряслось?

– Дверь нашли.

– Чего? – смысл не сразу дошел до Максима. А когда дошел, он подскочил на кровати, словно выстреленный. – Где?!

– Недалеко штесть, как я и говорил. А ты – в леш лететь! – Он самодовольно оскалился. И снова поторопил: – Вштавай! Наши уше вше там.

Дверь и в самом деле оказалась недалеко – пятнадцать минут лета от Оранжевого зала. Беседка посреди небольшого парка, рядом – живописная горка камней, озерцо с фонтанчиком, игрушечный грот. Здесь не было места для двери в другой мир!

Места не было, а дверь была.

– Шмелей, шмелей!

Гоэльт призывно махнул рукой и первым полез в грот. Ему пришлось согнуться, чтобы не задеть головой низкий свод. Максим огляделся по сторонам. Что-то не сходилось. Гоэльт

сказал, что вся команда их ждет. Но возле беседки никого не было, а внутри грота им и вдвоем не развернуться. Но спорить не стал, покорно шагнул следом.

В гроте было тесно и темно. Гоэльт убедился, что Максим идет за ним, протиснулся между сужающимися выступами скалы в самую дальнюю его часть... и исчез. Максим протер глаза. Что за наваждение? Дитина двухметрового роста не мог спрятаться в этой пещерке. Здесь негде было прятаться!

Он шел, стараясь в точности повторить каждое движение Гоэльта. И стоило коснуться противоположной стены...

Максим не коснулся – потому что ее не было! Грот переходил в длинный, достаточно просторный коридор. И здесь, в коридоре, действительно собралась вся их команда. Сидели вдоль стен, ждали.

– Я же говорил – шдесь она! – радостно улыбнулся Гоэльт.

Максим смотрел и глазам своим не верил. Этот коридор не мог существовать! Толщина каменной стены грота – от силы три метра. А за ней опять был парк, и они должны были идти по дорожке! Но они шли по сумрачному туннелю.

– Ну и где дверь? – буркнул он.

– Ты што, шлепой? – Гоэльт вытянул руку вперед. – Не видишь?

То, что он называл дверью, таковым не было. Наткнись Максим на подобное во время поисков, никогда бы не догадался, что это дверь. Дальняя часть коридора тонула в лазоревом мерцании. Будто громадная спираль висела в воздухе, едва заметно вращаясь.

– Пошли, пошли! – вновь поторопил Гоэльт. – Там швобода! Ни одной шабы нету.

– Стой, – опомнился Максим, схватил его за ворот. – А Тальда где?

– Так ее белые не выпустили.

– Ты хочешь бросить Тальду?! – Максим не верил своим ушам.

– Шдать нелыпа. – Гоэльт набычился. – Ешли шабы ушнают, што мы дверь нашли, они наш ешо куда-то увешут...

Максим оглянулся на товарищей по команде, но те отворачивались или опускали глаза. Встречаться взглядом не хотел никто. Они спешили поскорее сбежать отсюда в свои миры. Максим понимал их нетерпение. Он и сам хотел очутиться на Земле. Но бросить Тальду было нельзя. Друзей в беде не бросают! И тут он понял, что сейчас сделает.

– До рекреации отсюда минут двадцать лета? Я смотаюсь туда, заберу Тальду и вернусь. Мы быстро!

Гоэльт с сомнением покачал головой.

– Опашно... Ладно, ешли хочешь, ришкни. Мы ищем ваш не больше получаса, потом шматываемся!

– Я успею! – пообещал Максим и выскочил из туннеля в грот и дальше – под зеленое небо парка.

Хорошо, что он навестил Тальду после матча, – теперь искать ее палату не пришлось. Максим влетел в нее прямо на диванчике, посадив его в шаг от кровати. Тальда не спала. Охнула удивленно, приподнялась, плотнее закутываясь в легкое как пух одеяло. Кокон с нее убрали, только поврежденное ухо было залеплено, и шею скрывал широкий белый обруч.

– Макс, ты что?! Сюда нельзя без...

– Пошли скорее, нас ждут. – Он не дал ей договорить. – Гоэльт дверь нашел!

Глаза у девушки сделались по пять копеек.

– Где?!

– Увидишь! Вставай, времени нет!

Тальда высунула из-под одеяла ногу. И замялась.

– Ты можешь ходить? – обеспокоенно спросил Максим, заметив, что лодыжка тоже облеплена белым.

– Могу. Но я...

До него дошло – конечно же, она голая лежит под одеялом! В этой «больнице» пижама или ночная сорочка не полагались.

– Так потребуй одежду!

– Нельзя, пока белые сестры не разрешат.

– Что значит «нельзя»? – возмутился Максим. И вслух «пожелал»: – Хочу одежду для Тальды! Быстро!

Не тут-то было: полочка у изголовья кровати оставалась пустой. Ах так?! Мысленные команды действуют не всегда и не везде? Ну и черт с вами! Отступить из-за таких мелочей, как одежда, он не собирался.

– Обернись одеялом, и сматываемся! – скомандовал.

Тальда густо покраснела, попыталась привстать, прижимая одеяло к груди. Максим отвернулся, чтобы ее не смущать. И стоял так, пялясь в стену-окно, пока за спиной шумно не плюхнулись на диван.

– Готова?

Он уселся рядом с туго завернутой в одеяло девушкой. И погнал летатель назад к заветному гроту.

Они пролетели половину пути, и времени, отведенного Гоэльтом, оставалось вполне достаточно. Максим уверен был, что успеет. Когда Тальда тихонько толкнула его в бок и спросила, он даже не понял, о чем она:

– Ты не один за мной прилетал?

– Один, а что?

В нескольких десятках метров позади них и немного выше летел второй диванчик. А стоило покрутить головой, как выявились еще три. Их умело брали в «коробочку». И разумеется, это не Гоэльт передумал и полетел вызволять подругу. Преследователи носили синюю одежду...

Неожиданный эскорт Максиму не понравился. Он резко повернул на девяносто градусов, еще раз – преследователи не отставали. Лететь к гроту означало выдать местонахождение двери. Неизвестно ведь, что эти синие замыслили.

– Спросим, что они от нас хотят? – Максим посмотрел на спутницу. А что она могла посоветовать? Только плечами пожала.

Они опустились на верхнем ярусе огромного, уходящего вниз тремя широкими уступами здания. Позади, в нескольких метрах, был край террасы, впереди – парк, постепенно переходящий в лес. Не очень удобное место, если хочешь сбежать. Но сбегать Максим не собирался. Что он такого преступного совершил?

Три из четырех летателей опустились неподалеку, последний завис над головой. Да уж, не случайные это попутчики. Максим встал навстречу синим. Двое против восьми – плохой расклад. Окружившие его парни не походили на игроков в руббол, но все же были достаточно крепкими, а Тальда не успела оправиться от травм. Силой ничего не решить, потому на рожон лезть не стоило.

– Ребята, вы что-то хотели?

Максим старался, чтобы голос звучал миролюбиво. Но толку от этого оказалось чуть. Один из парней выступил вперед. Форма Синего ордена не походила на одежду оранжевых: широкие брюки-галифе, стянутые на лодыжках резинкой, тужурка с крючками вместо пуговиц и тюбетейка со свисающими к ушам кисточками. У того, кто шел к Максиму, на тюбетейке красовалась узорчатая бляха.

– Куда вы направляетесь? – спросил он.

– Никуда. Просто решили полетать.

Синий презрительно скривился:

– Тогда полетаете, куда мы прикажем.

– Это почему?! – возмутился Максим. С чего бы ему, члену Оранжевого ордена, указывали синие? Он в своем праве – может гулять, где заблагорассудится. И с кем заблагорассудится.

Но синий не собирался ни уговаривать его, ни угрожать. Он вынул из-под тужурки короткую трубку с рукоятью, навел ее на Максима, и... как будто телевизор выключили.

Очнулся Максим в тот самый миг, когда хронометр в голове отщелкнул последнюю из отведенных Гоэльтом минут. «Блин, опоздали!» – подумал с досадой. И лишь после этого вспомнил, что случилось. Изумленно огляделся по сторонам.

Они с Тальдой попали в мрачную, без окон и дверей, с низким – подпрыгни, достанешь, – потолком комнату. Стояли друг напротив друга, прислоненные к тускло поблескивающим прямоугольным щитам, вжимались в них затылками, лопатками и ягодицами. А между ними прохаживался некто плотный, коренастый, с множеством серебряных блях на тужурке. Пониматель услужливо представил незнакомца: старший консул-надзиратель Синего ордена Рен-Рендук. Но куда их притащили и зачем, пониматель сообщать отказывался.

Стоять было неудобно. Максим попробовал шевельнуться, сменить позу – как бы не так! Его словно пришили к щиту неведомая сила, хоть никаких пут на руках и ногах не было.

Увидев, что он начал дергаться, консул ухмыльнулся:

– Ага, вот и второй ожил. Замечательно! Значит, поговорим. Объясните-ка Рен-Рендуку, куда вы летели?

– Почему вы нас схватили?! – вместо ответа возмутился Максим. – По какому праву вы...

Лицо консула, с тоненькими, точно нарисованными черточками усиками над верхней губой и такой же «нарисованной» черточкой-бородкой под нижней, расплылось в улыбке.

– Право? Сразу видно, что ты недавно поселился в Вирии. Ты так мало знаешь о здешних обычаях. Разумеется, у тебя есть право! Но и у Рен-Рендука оно есть. Право поймать подозрительного мальчишку и учинить дознание. Как видишь, его право оказалось сильнее.

Он рассмеялся своей шутке. А отсмеявшись, продолжил:

– Итак, что мы имеем? Травмированная рубболистка сбежала из рекреации на три дня раньше установленного белыми сестрами срока. Ради чего? Неужели ради прогулки со своим дружком?

– Почему бы и нет?!

– Почему бы и нет, ты верно сказал, Маакс! Все дело в том, куда вы намеревались прогуляться. А?

Максим сжал губы. Отвернулся бы от этой наглой, лоснящейся удовольствием рожи. Но отвернуться он не мог.

– Рен-Рендук тебе подскажет. Вы нашли дверь в другой мир!

Тальда вздрогнула при этих словах. Консул стоял к ней спиной, но тем не менее уловил движение. Оглянувшись, вновь засмеялся:

– Угадал! Видишь, Рен-Рендук раскусил ваш план. Глупый мальчишка, ты в самом деле вообразил, что в Вирии никто ни за кем не следит? Даже за теми, кто нарушает правила, уклоняется от церемоний? Ладно, не будем терять время, у нас его и так не много. Где дверь?

Максим чуть не застонал от досады. Представления о том, что в Вирии никаких спецслужб не существует, что ее жители только тем и занимаются, что играют в придуманные ими же игры, оказались наивными. Может, они и играли, но игры бывают разными.

Рен-Рендуку надоело ждать ответ. Он подошел ближе, положил Максиму руку на плечо. Приблизил свое лицо к его лицу. Пахло от него чем-то неприятным. Тухлятиной какой-то.

– Послушай, парень, не ты один хочешь сбежать отсюда. Рен-Рендуку надоело перебиваться подачками. Он двадцать лет ищет эту дверь. Покажи, и мы уйдем туда вместе. И подружку твою захватим, естественно. Такой боец в диком мире пригодится Рен-Рендуку. Ты представляешь, кем там можно стать? Диктатором, властелином! Абсолютная власть, ты понимаешь, что это такое?

Теперь Максим уяснил, чего добивается синий консул. Очень хорошо уяснил. И признаваться этому вонючему «гитлеру», где находится дверь, он не хотел. Что, если за ней и правда Земля?! Рен-Рендук не один ведь туда полезет, наверняка прихватит банду своих головорезов. Да еще технику, оружие – хотя бы ту штуку, которой их вырубали в парке. Нет, пускать их на Землю Максим не собирался.

– Я не знаю, где дверь, – упрямо произнес он.

С минуту Рен-Рендук рассматривал его. Затем резко отстранился, повернулся, подошел к Тальде. Оглядел ее с головы до ног и быстрым движением сдернул одеяло. Тальда охнула, попыталась прикрыться, но невидимые путы не позволяли. Консул бросил одеяло на пол, повернулся к Максиму:

– Не желаешь помочь Рен-Рендуку, значит. Что ж, поступим иначе. Не хотелось калечить такого замечательного бойца, но придется.

Он замолчал, лицо его расплылось в улыбке. И Тальда внезапно дернулась всем телом, вскрикнула. Задрожала, завывала по-звериному. Это было непонятно и страшно. Ее ведь никто не трогал? Или... щиты были чем-то вроде электрических стульев?!

– Ты, козел! – заорал Максим ухмыляющемуся консулу. – Прекрати немедленно!

– Это ты делаешь больно своей подружке. Тем, что упрямишься.

– Не имеешь права...

– Не тяни время, Маакс. Она хоть и сильная, а долго такой боли не выдержит, сердце лопнет. Неужели не жалко?

Максиму сделалось нехорошо. Это было невозможно, немислимо! Но это происходило – Тальду пытали на его глазах. Ничего себе рай! Да они здесь хуже фашистов! Он зажмурился, замотал, насколько позволяли путы, головой. Он не видел страшную пытку, но не слышать жуткий вой девушки и злорадный голос Рен-Рендука не мог:

– Что, не хочешь смотреть, как у нее глаза на лоб вылезут? Как пена изо рта потечет? А, Маакс?

И Максим не выдержал:

– Все, не надо больше! Прекрати! Я покажу дверь!

Вскоре банда Рен-Рендука неслась к заветному гроту. Тальду тоже взяли с собой. Ее отпаивали какими-то лекарствами, но очухаться после жуткой пытки девушка пока не успела. И Максим то и дело оглядывался, проверял, не вывалилась ли она со своего летателя.

Они не успели самую малость. Не зря Гоэльт беспокоился, что криссы узнают о находке. Максим уже различал белеющую среди зелени парка беседку, когда диванчик под ним начал терять скорость и, плавно покачиваясь, поплыл к земле.

– Что случилось? – Он удивленно повернулся к сидящему рядом сержанту. Тому самому, что вырубил его недавно.

Сержант не ответил, лишь выругался – зло и испуганно. И Максим понял, что летатель ему не повинуется. И остальные диваны вышли из подчинения. Один за другим они приземлялись, мягко, но настойчиво высаживали пассажиров. Синие переругивались, сновали между деревьями, нервно озирались. А со стороны солнца к ним приближался рой больших зеленых мух.

Не мух – это летели криссы. Им не требовались диваны-летатели, у них было куда более эффективное средство передвижения – большие квадратные ранцы за плечами. А в длин-

ных шестипалых руках-лапах каждый держал трубку, наподобие той, какими были вооружены синие, – станнер. Только у криссов они были покруче и наверняка помощнее. Станнер не убивал, не калечил, но отключал сознание минут на пятнадцать – двадцать. Но чтобы помешать побегу этого было достаточно.

Нельзя было терять ни секунды. Максим бросился туда, где приземлился диванчик с Тальдой. Девушка сидела на траве, прислонившись к толстому гладкому стволу дерева, смахивающего на березу. Взамен одеяла ей выдали синюю униформу, но размер явно не угадали: тужурка не сходилась на груди, нижний крючок еле удерживал ее полы. Но Тальде было слишком плохо, чтобы обращать внимание на беспорядок в одежде. Она сжимала руками голову и медленно покачивалась из стороны в сторону.

– Бежим, здесь недалеко! – Максим подскочил к ней, подхватил, помогая подняться на ноги...

– Очень кстати, что недалеко. – Рен-Рендук оказался в двух шагах от них. – И правильно ты сказал, Ма-акс, – бежим!

Вокруг затрещало. Не страшно, будто ломались под ногами тонкие сухие ветки. Но люди посыпались на землю, как подкошенные. Те, у кого было оружие, принялись палить в ответ.

– Бегом, бегом я сказал! – бесновался Рен-Рендук.

Максим и хотел бегом, но Тальда едва ноги переставляла. Если бы он ее не поддерживал, рухнула бы на землю. Ее всю трясло, из носа сочилась кровь. Вряд ли она соображала, что происходит.

Криссы атаковали снова и снова, синих оставалось все меньше. Консул вертел головой, втягивал ее в плечи, стоило очередной тени мелькнуть над кронами деревьев. Он был напуган. Ого, как он был напуган! Видно, знал, какое его ждет наказание.

– Брось ее! – не выдержал он наконец. – Брось ее здесь!

– Да пошел ты! У нас на Земле друзей в беде не бросают.

– Тупой дикарь! Не бросают, значит? Живых не бросают или мертвых?

Рен-Рендук внезапно подскочил к ним, схватил Тильду за волосы, заставляя запрокинуть голову. Острый длинный клинок уперся девушке в горло.

– Брось ее или сейчас потащишь мертвую!

Максим замер, не зная, что делать.

– Макс, оставь меня здесь... – прошептала девушка. – Беги сам. Криссы мне ничего ведь страшного не сделают, правда?

– Конечно, – поспешно кивнул Рен-Рендук. – Криссы никого не обижают... без надобности.

Максим скрипнул зубами. Как он ненавидел этого гада! Как бы хотел с ним посчитаться! Оставалось надеяться, что такая возможность когда-нибудь представится. Он кивнул Тальде:

– Ладно. Но я обязательно за тобой вернусь!

Он и впрямь верил, что так и поступит. Главное ведь – разведать дорогу между мирами...

До грота добежали лишь пятеро из шайки Рен-Рендука. Одного из них криссы уложили в самой пещере, еще один попал под выстрел станнера в коридоре. Но Максим этого не видел. Он бежал первым, бежал быстро, не оглядываясь. Он боялся не столько криссов, сколько несущегося по пятам консула. Черт его знает, что у этого садиста на уме! Право Рен-Рендука все еще было сильнее его права. По эту сторону двери ничего не изменишь. А по другую...

Меньше всего вращающаяся в воздухе спираль походила на дверь. Это было... Максим не смог бы описать своих ощущений, даже если бы вошел в нее медленно и аккуратно, а не влетел сломя голову. В глазах потемнело, к горлу подкатила тошнота, все перевернулось...

И еще раз перевернулось. А когда он смог видеть, вокруг него была не Вирия.

Глава 3, в которой Максим попадает туда, куда лучше бы не попадать

Первое, что Максим понял, – он стоит на потолке вниз головой. Или висит – как правильно назвать это положение? На размышление ему дали ровно три секунды, слишком мало, чтобы успеть удивиться неожиданному фокусу. А потом сила тяжести, как ей и положено, оторвала ноги от потолка. Он завопил испуганно, кувыркнулся на пол. К счастью, мягкий и упругий. Все вышло так быстро и неожиданно, что сообразить, откуда вывалился он сам, Рен-Рендук и двое его подручных, Максим не успел. Хорошо, что додумался отползти в сторону, а то бывший консул-надзиратель шмякнулся бы прямо ему на голову.

Место, где они очутились, выглядело более чем странно. Оно походило на внутренность сплюснутой сферы диаметром метров пятьдесят, с беспорядочно натканными отверстиями уходящих куда-то туннелей. Границ, где пол переходил в стены, а стены – в потолок, не существовало. Поверхность везде была одинаково упругой, чуть шершавой, теплой. И она светила! Источала рассеянный розоватый свет.

И тут Максим понял главное: дверь, сквозь которую они вошли в этот мир, исчезла!

Какое-то время они сидели, оглядываясь по сторонам, вслушиваясь в непонятные шорохи, всплески, бульканье и чавканье, долетавшие из глубин туннелей. Затем Рен-Рендук осторожно поднялся на ноги, хмуро уставился на Максима:

– Куда ты нас привел?

– Не знаю, – честно признался тот.

В самом деле, откуда он мог знать, куда ведут двери? Но на Землю это не походило однозначно. Рен-Рендук помолчал. Обвел взглядом похожие, словно близнецы, двухметровые дыры, ткнул пальцем в одну из них:

– Туда! – и добавил для Максима: – Ты пойдешь первым! Улизнуть не вздумай, мы тебя на прицеле держать будем.

Максим не возражал: первым так первым, какая разница? И сбегать он пока не собирался. Непонятно ведь, куда тут бежать.

Внутренности туннеля тоже светились, но структура его поверхности оказалась иной. Пол здесь застилала толстые, плотно прижатые друг к другу складки. Идти было не сложно, но стоило остановиться, как ступни погружались между складок, где было горячо и влажно. И воздух был влажным. А еще он пах – чем-то приторным, неприятным. Сначала это было едва заметно, но чем дальше, тем запах делался ощутимее, резче...

Они шли и шли, а туннель тянулся и тянулся. Если бы не хронометр, исправно тикающий в голове, могло показаться, что время замерло. Минут через десять Максим сообразил, что туннель вовсе не прямой как стрела. Он плавно закруглялся и уходил под уклон. Затем туннель стал изгибаться то в одну сторону, то в другую, то вверх, то вниз. В боковых стенах его появились длинные продольные отверстия шириной в две-три ладони. Несло оттуда таким зловоньем, что не только заглянуть, но и приближаться к этим щелям не хотелось.

А затем они увидели оранжевое пятно на полу. Чем это может быть, Максим догадался сразу. Но не хотел верить своей догадке, пока не подошли, не склонились над находкой. На полу лежала, наполовину вдавленная в его складки, оранжевая рубашка рубболиста. Кому именно она принадлежала, определить было невозможно – в мире, где пониматель называет имя каждого, на кого помотришь, рисовать номера на спортивной форме ни к чему. Но то, что это был кто-то из их команды, – несомненно.

Максим осторожно приподнял рубаху. И тут же выронил, отдернул руку. Разумеется, хозяин мог зачем-то снять ее и выбросить. Но... это никак не объясняло темные липкие пятна на ней. Пятна крови! И вряд ли человек по собственной воле пожелал остаться голым – под рубахой лежали и шорты. Вернее, недавно лежали, а теперь были почти полностью поглощены складками пола, лишь краешек штанины торчал.

– Кто ж его так? – спросил один из охранников.

Голос у него был глухой и дрожал. Ему никто не ответил. Зато все, как по команде, принялись оглядываться, вслушиваться в бульканье и чавканье, доносившееся из-за стен туннеля.

– Гоэльт? – несмело позвал Максим. Как ему хотелось, чтобы одежда принадлежала не Гоэльту!

Рен-Рендук крепко сдавил его плечо.

– Тихо! Хочешь, чтобы оно и за нами вернулось?

Нет, Максим не хотел. Чем бы ни было это «оно».

Внезапно ему сделалось страшно. Так страшно, как никогда прежде не было. Даже когда он в первый раз вышел на поле в рубольном матче или когда бежал по лесу под выстрелами криссов. Даже в коридоре перед дверью, когда спиной ощущал лезвие кинжала Рен-Рендука. Все те разы было страшно от понятной опасности. А сейчас...

– Гляньте, что это там?! – снова спросил охранник.

Он показывал вглубь туннеля, откуда они пришли. Там ничего не было, пустота. Только непонятное, нехорошее бульканье. И оно приближалось...

Наконец Максим увидел. Или «увидел» – не совсем верное слово? Скорее ощутил, уловил едва различимое дрожание в воздухе. Так бывает в жаркий летний день над перегретым асфальтом. Что-то невидимое приближалось к ним. Быстро приближалось. Очень быстро!

За спиной сдавленно охнули, зашлепали босыми ногами – синие бросились наутек. Это было единственно правильным решением. Максим больше не медлил. Вскочил и кинулся за ними.

Как же ему повезло, что Гоэльт заставлял наматывать круги вокруг рубольного поля! Он несся словно ветер. В минуту догнал и обогнал тучного Рен-Рендука, затем остальных. Он вырвался далеко вперед и мчал, мчал, мчал по бесконечному туннелю. Бежал, представления не имея, будет ли из него выход.

– Стойте! – завопил сзади бывший консул. – Стойте, стрелять буду!

Максим оглянулся. И оглянулся один из бегущих за ним охранников. Весьма неудачно – ступня угодила между складок пола. Синий взмахнул руками, попытался удержать равновесие, не смог. С разгона грохнулся на колени, мгновенно утопая в складках ладонями. Рен-Рендук догнал его, перескочил... А следом к не успевшему подняться парню подкатило марево.

Это был шар. Большой, двухметрового диаметра, как и сам туннель, так что не оставалось зазора между ним и стенами. Он стал видимым, окрасился в ярко-алый цвет в тот самый миг, когда коснулся человека. И вдруг шар начал съеживаться, опадать. Будто сдувался, будто из него выпускали воздух. Секунда, другая – и оболочка втянулась в стены, пропала. Осталась только синяя, перепачканная кровью форма на полу. Складки, которых она касалась, еле заметно шевелились. Форма осталась. А человек исчез.

Только теперь Максим сообразил, что стоит на месте. Его ноги не могли больше двигаться, сделались ватными. Он впервые видел смерть. Жуткую, леденящую кровь. Хотя, наверное, любая смерть жуткая?

Его начал бить озноб. Все сильнее, сильнее. Его трясло так, что на ногах не устоишь. Он сам не заметил, как опустился на пол, схватился руками за голову. Да на фиг такие приключения! Он не хочет никаких приключений! Он домой хочет, немедленно, сию минуту! И чтобы все кончилось! Чтобы исчез этот туннель, эти шары и чтобы вонючий Рен-Рендук исчез!

Выключить их! Выдернуть из розетки! Но ни туннель, ни Рен-Рендук «выключаться» не собирались.

– А если оно опять вернется? – тихо просипел уцелевший охранник.

Консул выругался вместо ответа. Максим прекрасно понимал, о чем он думает: какое там «если»? Эта штука обязательно вернется!

Рен-Рендук медленно подошел к Максиму, поднял станнер, направил ему в лицо. Ощерился, так что усики торчком встали. Он так и сочился ненавистью!

– Из-за тебя все! Ты специально нас сюда заманил? Отвечай! – и резко ударил.

Максим охнул, схватился за разбитый рот. За что?! Он ведь не знал, куда ведет дверь! Он и сам с радостью убрался бы отсюда, если бы знал как! Куда угодно убрался бы! Хоть обратно в Вирию!

Происходящее становилось полным бредом. Его вынудили показать дорогу сюда, и его же в этом обвиняют. Хорошенькие дела! А глаза консула наливались бешеной кровью.

– Ты выведешь нас назад, понял? Туда, откуда мы пришли! И ты будешь идти первым! А если он появится сзади – последним! Понял?! – Ребристый ствол станнера ткнул в лицо так, что правая щека засадила. – Вставай!

Рен-Рендук уцепился ему в плечо, дернул, заставляя подняться. Оружие плясало перед глазами Максима. Не оставалось ничего другого, как подчиниться.

Назад они шли долго. Гораздо дольше, чем следовало, – хронометр понятеля не позволял ошибиться. Они давным-давно должны были выйти в сферический зал. Но туннель все тянулся и тянулся, медленно поворачивая то влево, то вправо. Заляпанной кровью оранжевой рубболки на обратном пути они не нашли. Максим не удивился этому. Сперва решил, что ее засосало в складки пола, потом – что они заблудились, сбились с пути. Повернули не туда. Вот только поворачивать было негде, развилок им не попадалось.

Зато сам туннель чем дальше, тем больше казался Максиму живым. Он едва заметно вздрагивал, вибрировал. Шевелился? Максим спросил бы у спутников, ощущают ли они то же самое. Но разговаривать с тем, кто направляет дуло станнера тебе в затылок, не очень-то хотелось. Он молчал. И Рен-Рендук молчал большей частью. Лишь изредка огрызался на робкие вопросы своего охранника. Хотя, от чего тот мог его охранить? От шара-убийцы? Да – ценой своей жизни, и то на один раз. Одноразовый охранник...

Они брели час, два, три. Устраивали недолгие привалы и снова шли. Максим уже понимал – все бессмысленно, им не выбраться отсюда. Закончиться это путешествие может одним. И когда впереди из-за изгиба туннеля выплыло струящееся марево, он не удивился. Охранник бросился наутек сразу же. Максим тоже развернулся, готовясь бежать. Скорее автоматически – усталость и апатия притупили страх, но разум понимал: спастись все равно нужно. И другого способа, кроме как бегство, нет. Но убежать ему не позволили.

– Стоять! – зашипел консул, медленно пятясь от него. – Стоять на месте! Шаг – и Рен-Рендук выстрелит! Если этой твари нужна добыча, то на этот раз ею будешь ты, понял?

А чего ж тут непонятного? От шара не убежишь, одного он обязательно догонит – последнего. И последним будет Максим. По-любому! Хоть стоять на месте и ждать, хоть прыгнуть на консула и отгрести заряд из станнера.

Наверное, пришло время испугаться, как следует? Завопить от отчаяния? Попросить пощады? У кого? Разве что у шара. Но страха не было, апатия достигла предела. Максим понимал, что умрет. Ну и ладно, зато все закончится. Этот туннель выключат наконец! Он медленно повернулся к накатывающей смерти. Дрожание воздуха, бульканье были все ближе. Совсем близко. Стоять и ждать становилось невыносимо. Лучше уж зажмуриться и прямо туда, ласточкой! Он всхлипнул, закрыл глаза и дернулся навстречу. Прыгнул, не зная, почувствует ли что-нибудь. Сзади сухо треснуло – Рен-Рендук выстрелил...

– Ай!

Максим то ли проснулся, то ли очнулся от резкой боли в правой икре. Мгновенно сел, заставив черную блестящую тварь отскочить на добрый метр. Тварь была размером с котенка, приплюснутая по бокам, с шестью длинными, согнутыми в суставах лапками и маленькой мордочкой. Тварь не выглядела опасной.

– Ты чё, офигела? – спросил ее Максим, потирая укушенную ногу.

В самом деле офигела – кожу прокусила до крови. Но это было мелочью! Главное – он жив, и шара нигде не видно. И Рен-Рендука тоже!

Неожиданно Максим понял, что перед ним сидит не одна, а две твари. Нет, три. Четыре? Шесть?! Он протер глаза, испугавшись, что у него начались галлюцинации. А когда вновь посмотрел, тварей было более десятка. Они возникали словно из воздуха. Словно размножались.

Теперь твари казались крысами, а не котятками. Когда число их перевалило за полусотню, он заметил-таки, откуда они выпрыгивают – из отверстия в стене. Подумал, что точно такое же находится... Быстро обернулся – и под ложечкой нехорошо заняло. Позади него крыс было еще больше! Он поспешно прижался спиной к стенке туннеля – повезло, что над головой дырки нет. И тут одна из тварей прыгнула. Прямо с места, не двинувшись, не пошевелившись перед этим. Максим отбросил ее ногой. Тут же прыгнула вторая, третья! Это были не крысы, а блохи. Огромные свирепые блохи. Он едва успевал отбиваться, а они прыгали и прыгали, все быстрее. Если додумаются прыгнуть одновременно – пусть не все, хотя бы половина, хотя бы четверть! – с ним будет покончено. Они его загрызут своими маленькими острыми зубками.

Такая смерть казалась еще страшней, чем наткнуться на прозрачный шар. И противней. И наверняка больнее! Если бы он сразу вскочил, была бы надежда убежать. А сейчас – поздно. Ему не прорваться сквозь сотни хищно оскаленных пастей.

Внезапно правая рука провалилась между складок пола – он неосторожно перенес на нее тяжесть тела. Максим выдернул ее брезгливо. Но за секунду, пока его пальцы были в утробе стенок туннеля, они успели ощутить... Они прикоснулись к чему-то твердому, ребристому. Похожему на...

Он с силой втиснул руку между складками. Лишь бы найти то самое место! Есть! Он схватился, дернул... Да! В его руке был станнер, оброненный то ли Рен-Рендуком, то ли охранником. Оброненный или...

Думать, откуда взялся станнер, времени не оставалось. Блохи ринулись на него стайей, и Максим еле успел поднять оружие. Хорошо, что есть понимабель – не надо разбираться, как станнером пользоваться.

Блохи посыпались на пол черными градинами. Максим вскочил, принялся поливать самых ближних короткими злыми очередями. Он думал, что остальные кинутся врассыпную. Не тут-то было! Уцелевшие вцепились в обездвиженных сородичей, начали кромсать их. Тупые твари! Он прорубил себе путь и, брезгливо кривясь, шагнул на черные, скользкие, хрустящие под ногами тушки. Быстрее отсюда, еще быстрее!

Остановился, когда блошиное побоище осталось за изгибом туннеля. Бежать дальше было бессмысленно – его никто не преследовал, а впереди мог ждать только шар-убийца. Выхода все равно не было. А собственно, почему не было? Блохи в туннель как-то попали? Не «как-то» – Максим своими глазами видел, как. Через отверстия в стенах. И тем же путем наверняка намеревались туннель покинуть, не дожидаясь, пока их расплющит.

Он осторожно подошел к дыре. Воняло оттуда омерзительно, и напороться там можно было на что угодно. Но это был выход. Возможно, единственный. Он несколько раз вздохнул полной грудью, сжал покрепче станнер и полез в дыру.

Этот туннель был не круглый, а приплюснутый, так что даже на четвереньках Максим то и дело задевал головой потолок. И стенки его были не складчатыми, а гладкими, лоснящимися. Они не светились, и вскоре все утонуло в полумраке. Отличное место для засады!

Однако никакая засада его не поджидала. Он прополз метров пятьдесят и... вывалился! Отросток туннеля оборвался, закончился рыхлой, похожей на бахрому «манжетой». А по ту сторону ее находилось...

Наверное, это было огромное-преогромное помещение. Ни потолка, ни стен, ни пола Максим не видел.

А видел такое, что дух захватывало: переплетение громадных труб, свисающих откуда-то шлангов, веревок, канатов, соединяющих замысловатые разноцветные штуковины, собранные из шаров, эллипсов и черт знает чего еще, горизонтальные и наклонные площадки, платформы, мостики, плавающие прямо в воздухе. Шланги шипели, внутри округлых штуковин булькало и хлюпало, канаты шевелились без всякого ветра. И все это заливал рассеянный серый свет. Одно и то же во все стороны, на сотни и сотни метров.

Несколько минут Максим сидел и смотрел, раскрыв рот. Картинка выглядела еще невероятнее, фантастичнее титанических террас Вирии. Он будто оказался внутри колоссальной машины. И вдобавок ко всему машина была живой. Или почти живой.

Он вывалился на одну из площадок, полого уходящую вниз. Ни поручней, ни чего-либо на них смахивающего видно не было. Казалось, что удержаться на площадке невозможно, один неверный шаг – и сорвешься, полетишь невесть куда. Он инстинктивно присел, уперся в пол всеми четырьмя конечностями. Но никуда не сорвался, не упал. Здесь нельзя было упасть! В середине площадки сила тяжести была привычная, земная, но стоило подползти к ее краю, перегнуться, и притяжение ослабевало. За пределами площадки была невесомость!

Максим облизнул сохнувшие от ужаса и восторга губы. Потом оттолкнулся посильнее от края площадки, перепрыгнул на тянущуюся сквозь пустоту узенькую дорожку. Постоял на ней, выбирая направление, и отправился на поиски неизвестно чего. Да нет, почему неизвестно? Он вновь искал дверь, ведущую на Землю...

Дорожка оборвалась, так никуда и не приведя. Максим перебрался на другую, затем еще на одну. Он бродил в этом лабиринте час за часом, и ничего не изменялось, никаких намеков на выход. И с каждым часом становилось все страшней и страшней. Да, Гоэльт искал свою дверь два года, Рен-Рендук – и того дольше. Но они жили в Вирии, где можно получить все, что захочешь, только возжелай. А здесь было иначе. Понижатель в голове продолжал работать, исправно отсчитывал время, переводил речь – когда Максиму было с кем разговаривать. Но желаний он больше не выполнял. Не то что накормить, он и глотка воды не давал. А пить хотелось невероятно. Разбитые губы запеклись, во рту пересохло, перед глазами начинал плыть розоватый туман. Спасти от шара, спасти от блох, даже от Рен-Рендука! – и умереть от жажды? Что может быть глупее? Нет, с такой участью он смириться не мог. Ни при каком раскладе!

Воду он не увидел и не услышал, а унюхал. Оказывается, вода пахнет! И запах этот был самым приятным из всех, что Максим встречал в своей жизни. Вода сочилась тонкой струйкой по поверхности огромного, чуть приплюснутого шара. Вода была так близко – сделай два десятка шагов до противоположного края платформы и пей! Но... претендовал на этот водопой не один Максим.

Двухметровый ярко-алый богомол стоял, упершись задними конечностями в платформу, двумя средними – в шар, а еще одной парой яростно скреб по мягкой, податливой поверхности, словно пытался выдавить из нее воду. Лапы у него были крепкие, покрытые прочным хитином, все в острых, похожих на когти зазубринах. В рукопашную с такой тварью не справиться. А в рукопашную и не нужно! Максим медленно, осторожно, чтобы не выдать своего присутствия,

вытащил из-за пояса станнер, поднял, прицелился... И вдруг чьи-то руки ухватились за край платформы. В следующий миг из-под нее высунулась голова, плечи, торс. Оп, и на платформу вскарабкался маленький человечек в светлой распашонке и коричневых штанишках на лямочках. Ребенок?! Да эта тварь ему сейчас голову откусит!

Богомол медленно повернул морду к мальчонке, заскрипел надсадно. И понижатель тут же перевел его речь. Максим остолбенел.

– Принес? Гундарин-Т'адин, тебя за смертью посылать!

– Чиво за смертью... Я ж ее, заразу, пока нашел. Эта девка, новенькая, засунула и сама забыла куда. На!

Мальчишка протянул богомолу сумку. Тот схватил ее, быстро подставил под струйку воды. И зло выругался:

– Да она течет, чтоб гвях тебя съел! Ты порвал ее, пока донес. Ты понимаешь, что наделал?!

– Эвона... Я это... Мож, зацепился где?

Мальчишка попятился, отступая. Богомол швырнул сумку под ноги, обернулся, сразу навис над ним. Хищно повел челюстью, готовясь то ли заговорить, то ли цапнуть собеседника... И увидел Максима. Секунду помедлил, предупредил:

– Стрелять не вздумай. А то я тебе пальцы пообкусываю.

Мальчишка обернулся, тоже уставился на него. Только был это вовсе не мальчишка. Маленький лысый человечек с морщинистым, цвета печеного яблока лицом и поросычьим пятаком вместо носа. Он сунул в этот пятак палец, ковырнул там. Глубокомысленно изрек:

– О, еще одна. Теперь у нас их три штуки.

– Дурень, это самец, – поправил его богомол.

– А чиво такой мелкий? В детстве питался плохо?

– Трижды дурень. В их расе самцы уступают самкам в размере и интеллекте, как и у нас. Ты людей никогда не видел?

– Не, не сподобился. – Коротышка смерил Максима взглядом и поманил пальцем, вынуженным из ноздри: – А поди-ка сюда, малец.

Больше всего Максиму хотелось ущипнуть себя за руку. Персонажи из мультика не только ожили и заговорили. Они вдобавок обсуждали его внешность! Что это, вызванный жаждой бред? Галлюцинация?

– Чего ты стоишь, будто столб? Опустит стрелялку и иди сюда, – велел ему богомол. – Мы тебе ничего худого не сделаем.

Максим медлил. Подчиняться распоряжениям собственного бреда было глупо. Но вода! Она стекала капля за каплей по боку шара, она пропадала зря, эта драгоценная влага. Он убрал станнер и пошел к своим чудным собеседникам.

– Да он пить хочет! – сообразил коротышка, заметив, куда направлен взгляд Максима. – ТырТрРа, ты бы ему водички предложила. Эхма, а куда ж ее набрать-то?

– Вот-вот. Ладно, теперь это дело поправимое.

Богомол, вернее, богомолиха с непроизносимым именем ТырТрРа внезапно протянула одну из пар лап, вцепилась в рукав Максимовой рубахи, рванула. Плотная материя жалобно затрещала. И раньше, чем опешивший Максим успел возмутиться, оторванный рукав стащили с руки.

– Это... – начал было он.

– Новый бурдюк. – ТырТрРа ловко завязала оборванный край узлом, протянула рукав Максиму. – На, подставляй.

И, повернувшись к шару, принялась ожесточенно скрести по нему. Да, она в самом деле добывала воду! Капли соединились в струйку, маленький ручеек устремился вниз. И Максим не мешкая подставил под нее самодельный бурдюк.

Долго терпеть, пока вода наберется, не смог. Первые два глотка проглотил, не заметив. Потом набрал воды еще и выпил. Потом еще. И лишь когда жажда отпустила, вновь поглядел на стоящих рядом существ. Спросил:

– А вы кто? Откуда здесь взялись?

Потому спросил, что понимаетель ничего, кроме имен ТырТрРы и Гундарин-Т`аина объяснить не хотел. Коротышка задумчиво почесал здоровущее, оттопыренное, как у Чебурашки, ухо. Ответил многозначительно:

– Я так понимаю, мы оттудава, откуда и ты.

– Из Вирии? Нет, там таких, как вы, не бывает. Там только люди живут. И криссы.

ТырТрРа скрипнула раздраженно:

– Криссы везде есть! То место, где они меня держали, называлось СкрРтер.

– А мы из Думт`айта сбежали, – закивал Гундарин. – Только, выходит, зря.

– Почему зря? – удивился Максим.

– Ты не понял? – снова скрипнула ТырТрРа. – Все двери из миров криссов ведут сюда, в Отстойник. А отсюда выхода нет.

Максима точно током шарахнуло. Отстойник?! Нет выхода?!

Коротышка опять почесал ухо, попробовал возразить своей компаньонке:

– Так сразу и нету? Можя, мы их пока не нашли?

– Ты сколько лет здесь прожил? – сердито скрипнула на него богомолиха. – Я – почти пять. Эй, как там тебя? М`кс... Дурацкое имя, не могу произнести... Хватит бурдюком в стенку тыкать, вода уже не течет. Пошли в наше гнездо, там тебя сюрприз ждет.

К гнезду пришлось спускаться чуть ли не на самое дно этого мира. Всю дорогу Гундарин болтал без умолку, рассказывал об Отстойнике, о Думт`айте, весьма напоминавшем Вирию, о проклятых криссах. И о племени беженцев, мечтавших вернуться в родные миры, но по злой иронии судьбы застрявших в этом лабиринте полуживых механизмов. Он так увлеклся рассказом, что ТырТрРе то и дело приходилось скрипеть на него, чтобы не выдал раньше времени обещанный сюрприз. Но коротышка тут же забывал о предупреждениях, и вскоре Максим начал догадываться, в чем дело. К тому же порванный бурдюк оказался рукавом от оранжевой рубахи, такой же, как его собственная.

Едва они спрыгнули на широченную платформу, края которой терялись в переплетениях труб, едва Гундарин запищал: «А смотрите, кого мы поймали!», как два оранжевых вихря метнулись им навстречу.

– Макс!!!

Две пары рук облапили Максима, заставив затрещать ребра, две пары губ впились в его щеки. Ильма и Зира, рубболистки из его команды! Девчонки обнимали его, целовали, плакали, а он вертел головой, надеясь увидеть остальных товарищей. Но знакомых лиц вокруг больше не было. Вообще человеческих лиц не было.

– А где Гоэльт? Где все?

– Мы... – Девушки переглянулись. – В том большом зале, куда открывается дверь, мы разделились, чтобы разведать.

Они рассказали, как втроем шли по туннелю. Как появился шар, убивший Микона, как они бежали назад, как заблудились. Наверное, тоже погибли бы, если бы не наткнулись на смешного коротышку, показавшего им выход через отверстие в стене. Что случилось с другими членами команды, они не знали...

Потом девушки отвели его в свой закуток, рассказали о жизни в племени, о новых знакомых. Снова поили его водой, кормили запеченным мясом, настоящим, а не синтетическим – какому зверю оно принадлежало, Максим предпочел не думать. Потом уложили отдыхать. Они так хлопотали над ним, так заботились, особенно Зира! Это было немного смешно, но приятно. Потом Максим заснул. На удивление крепко и спокойно.

Верховодил в племени некто по имени Гвых. Огромный детина двух с половиной метров ростом и почти такой же в поперечнике, заросший от макушки до пяток длинной палево-черной шерстью, с маленькими злыми глазками и мощными челюстями. Он походил то ли на гориллу, то ли на орка из «Властелина Колец». В племени было еще три сородича Гвыха, но и среди них вожак выделялся шириной плеч и свирепостью. Себя эти существа именовали «народом Двона», но остальные – за глаза, конечно – называли их всех «гвыхами». У гвыхов была сила и власть. Перечить им не смел никто, даже олли, соплеменники Гундарина, численностью превосходившие гвыхов чуть ли не втрое. Коротышки все как на подбор были лысые и морщинистые, так что и не поймешь сразу, кто из них какого пола. Кроме коротышек и гвыхов в племени жили пара белокожих тонкорукых тиолейнелей-лупоглазов и похожая на огромного богомола кррса ТырТрРа. А теперь в этот «космический зверинец» добавилась троица людей. Если разобраться, существ не менее странных, чем прочие.

Скоро Максим убедился, что имеется нечто, объединяющее всех обитателей племени. Утро и вечер, времена года, звезды – таких слов будто и не было в их языках. «Небо должно быть зеленым, солнце – висеть на месте, а не кататься туды-суды, как пончик по тарелке с медом», – дружно утверждали они, едва Максим начинал рассказывать о Земле. Но почему?! Ладно Вирия и ее обитатели. Но этих-то существ криссы собирали с самых разных планет галактики. Как же так получалось, что никто из них не видел звезд? Такого же не могло быть! Или могло? Что, если звезд и впрямь не существует? Они ему приснились, как говорил Савай. Ага, и Земля плоская и стоит на трех китах...

С племенем жил еще один тип. Именно так – жил рядом с племенем, но сам по себе. Максим увидел его лишь на второй день, а рассмотреть смог и того позже. Высокий, гибкий, тонкий в кости, но при том сильный, жилистый, с огромными зеленоватыми глазами на почти человеческом высоколобом лице. Но больше ничего человеческого в его облике не было. Зато была короткая плотная шерсть по всему телу и грива густых песочно-желтых волос, лежащих на плечи. Гвыхи его демонстративно игнорировали, олли побаивались, а имя этого существа пониматель произносил так неуверенно и неразборчиво, что Максим не смог запомнить, как ни старался. И сам себя этот тип никак не называл. Он вообще мало разговаривал. Настоящий сфинкс, таинственный и загадочный.

Отстойник оправдывал свое название хотя бы тем, что сюда стекались существа, не желавшие жить в мирах, построенных для них криссами. Отстойник был огромен. Никто из новых знакомых Максима не доходил до его края, никто не поднимался до самого верхнего яруса, не видел солнца и неба. Несомненно, все эти хитросплетения труб, шлангов, канатов, сосудов всевозможных форм и цветов были единым механизмом, собранным не из металла и пластика, а из чего-то, весьма напоминающего живую плоть, кожу и кости. Но все же это была машина, что-то производящая, что-то перерабатывающая. Понять, для чего она предназначена, кто и когда ее создал, а главное – где находится Отстойник, было невозможно. Оставалось только догадываться. И догадки эти Максиму не нравились с каждым днем все сильнее. Он сумел сбежать из Вирии, но оказалось, что поменял одну тюрьму на другую. Комфортабельную, благоустроенную, полную развлечений – на непонятную и опасную.

Да, жизнь в Отстойнике кишела опасностями. Главной из них были сами внутренности этого мира. Как они растворяют органику, Максим видел собственными глазами. Кроме того, антигравитационные площадки могли внезапно сломаться и расплющить ступившего на них бедолагу, веревки и канаты – пропустить ток в миллионы ампер. И даже излучающие микроволны керамические лепестки с одинаковым успехом поджаривали и кусок мяса, и того, кто это мясо планировал съесть. Очень скоро Максим понял, что любой шаг, любое неверное движение в этом лабиринте могут стоить жизни. Особенно новичку. А он был новичком, ничего не знающим, ничего пока не умеющим. К тому же опасности таил не только сам лабиринт, но

и его обитатели – стаи разнообразных паразитов, питающихся либо выделениями полуживых машин, либо друг другом. И разумные существа ничем не отличались от всех прочих, были точно такими же паразитами.

Племя жило по законам каменного века, то есть боролось за существование сто часов в сутки. Каждый его член обязан был вносить свою лепту: охотиться, искать водопои, готовить пищу, защищать гнездо или поддерживать его в чистоте. Максим был достаточно силен, у него имелось оружие, – естественно, что он стал охотником, как Ильма и Зира. Его такая работа вполне устроила. Но не дичь он искал в каждодневных походах по Отстойнику. Он искал дверь. Благо, как та должна выглядеть, он теперь знал.

И на девятый день он нашел... Но к сожалению, нечто совсем иное.

На охоту в тот день они шли втроем: Максим, Зира и Гундарин, – кто-то из коротышек всегда сопровождал новичков-людей, чтобы те не потерялись и не сунулись, куда не следует. Отчасти это было хорошо, отчасти – наоборот. Гундарин сперва болтал без умолку, распугивая добычу. А когда устал, начал скулить.

– Макс, ну давай передохнем? Ну, хоть немножечко! Вот, вот – гляди, какое хорошее место для привала. Замечательное место. Мягкое, теплое, безопасное. Попа сама собой сесть хочет. Вот, смотри, уже села!

Не дожидаясь разрешения, он спрыгнул с мостика на висящую в нескольких метрах под ним громадную розовую «дыню».

– Идите сюда, не пожалеете!

Максим оглянулся на Зиру, та лишь руками развела. Спорить с коротышкой – только время терять. Пришлось подчиниться, спрыгнуть на действительно мягкую и упругую, как резиновый матрац, поверхность дыни.

– С тобой не охота, а суета одна получается.

– Не бойсь, Макс, я тебя в самые охотничьи места проведу. Там зверья – стрелять не перестрелять!

– И где это?

– А вот сейчас посидим и пойдем. Прямо по мосту, потом вниз...

– Вниз?! Какого же мы сюда карабкались?.. – Максим хотел было высказать все, что думает о проводнике, но только рукой махнул. Спросил: – Гуня, а вверх ты высоко поднимался?

– Еще бы! Да я... – Коротышка осекся. Сердито уставился на Максима. – Как ты меня назвал? Мое имя – Гундарин-Г’адин! Знаешь, сколько мне лет, малец?

– Во-первых, я не малец, а на две головы тебя выше. Во-вторых, я же не требую, чтобы меня называли Максимом Волгиным. Раз я Макс, то ты – Гуня.

– Да ежели ты еще раз посмеешь назвать меня этим прозвищем...

Коротышка вскочил, подбежал к нему. Глаза выпучил, уши встопорщил, ударил себя кулаком в грудь:

– ...то я, я...

– Гуня, – улыбаясь, повторил Максим.

Коротышка глубоко вдохнул. Постоял, почесал ухо. Выдохнул и кивнул:

– Так и быть, разрешаю.

И тут где-то неподалеку сухо треснуло. Звук был тихий и не казался опасным. Но он не походил на шорохи и бульканье Отстойника. Только одна вещь могла издавать такой звук. И эта вещь покоилась за поясом у Максима. Он быстро переглянулся с Зирой. Опустился на четвереньки, пополз туда, где бок дыни круто уходил вниз.

Снизу штукавина, на которой они сидели, густо обросла шарами, шлангами разной толщины и формы. И в самой гуще этого хитросплетения шевелилось существо. Рассмотреть его в таком ракурсе Максим не мог. Но цвет существа был ему хорошо знаком. Синий.

– О, еще одна! – радостно воскликнул Гуня. Покосился на Максима, спросил: – Или самец? Как вы по цвету-то различаетесь?

Существо услышало возглас, резко выпрямилось, запрокинуло голову. Толстая усатая харя расплылась в улыбке.

– Кого я вижу – наш друг Маакс! Да не один, а с девушкой. – Он поднял из-под ног только что подстреленного мясного слизня. – Приглашаю отобедать. Рен-Рендук угощает.

Максим скривился, как от кислого.

Появление в племени Рен-Рендука сразу же поломало устоявшийся порядок вещей. Во-первых, у него был станнер. Причем не полупустой, как у Максима, а заряженный под завязку. Как у бывшего консула получилось выжить в одиночку девять дней в Отстойнике, охотиться и не растратить заряд, – непонятно, но это было так. А станнер куда более действенный аргумент в любой драке, чем кулаки, зубы и когти.

Во-вторых, Рен-Рендук оказался метким стрелком и отличным охотником. И он не спешил отдавать добычу гвяхам. Он сам делил ее, причем справедливо, в отличие от вожака и его прихвостней. Через несколько дней все коротышки числились в его приятелях. В-третьих, кинжалом Рен-Рендука ковырять водопой оказалось куда сподручнее, чем когтями. Племя начало забывать, что такое голод и жажда. И в-четвертых, Рен-Рендук объявил сперва Ильму, а затем и Зиру своими женами. К удивлению Максима, девушки согласились изменить семейный статус. К несчастью гвяхов, в племени не оказалось ни одной женщины народа Двона. Голокожие человеческие самки по их меркам считались безобразными уродинами. Но уж лучше взять в жены уродину, чем остаться вовсе без женщины. Теперь и эта надежда уплывала у волосатых из-под носа.

Максим понимал, что долго так продолжаться не может, гвяхам и Рен-Рендуку вместе не ужиться. Но чем это обернется, не знал...

Семнадцатый день жизни в Отстойнике прошел, как обычно: охота, безуспешные поиски двери. И закончился, как обычно, – Максим поужинал и улегся спать. Однако заснуть не успел: к нему подползла Зира. Осторожно потрогала за плечо.

– Макс, слушай. Мы не хотим больше подчиняться Гвяху. Хватит этим волосатым командовать.

– Думаешь, Рен-Рендук лучше? Он только притворяется добреньким. Видела бы ты...

– Какая разница, притворяется он или нет? Рен-Рендук конечно же лучше Гвяха. Он – человек!

– Фашист он, а не человек. А, ты все равно не поймешь...

Но Зира не спешила уползть в свой семейный закуток.

– Макс, если Рен-Рендук станет магистром племени, ты будешь его первым консулом. И тебе будет положена жена. Ты согласишься взять меня в жены?

– Ты ж вроде замужем? – Максим даже повернулся к ней, так его удивил этот вопрос.

– Это не по-настоящему было. Это политика против гвяхов. Так что? Ты не ответил, хотел бы взять меня в жены?

Максим не знал, что и сказать. Зира не походила на девушек, которые ему нравились на Земле. Рослая, почти на полголовы выше его, крепкая, мускулы под кожей так и играют, живот в квадратах пресса. Но, при всем том, Зира была красивой. Куда привлекательнее, чем Ильма или, тем более, Тальда! Кареглазая, темноволосая, с тонкими, правильными чертами лица, с ямочкой на подбородке. И родинка на щеке ее ничуть не портила, скорее наоборот, добавляла... Как это правильно сказать? Сексуальности, да? Зира была самой красивой девушкой в их команде, да что там! – самой красивой рубболисткой Вирии.

Он вдруг подумал: как это будет, если прижать ее к себе и поцеловать в губы? Никогда не целовался с девчонками по-настоящему. Да, он хотел бы... хочет... уже сейчас хочет! Сообразив, что желание становится слишком очевидным, Максим поспешно перевернулся на другой бок. Проворчал, стараясь, чтобы голос не зазвенел предательски:

– Не мешай, я спать буду.

– Спи и думай. А я рядом с тобой полежу.

Она придвинулась ближе, приобняла. Мягкая и в то же время упругая грудь ее прижалась к спине Максима. Он хотел отодвинуться, но прикосновения были такими приятными. Заснуть, когда к тебе так прижимаются, вряд ли получится. Но он все-таки заснул.

...А проснулся от громкого спора. Недовольно приоткрыл глаза, огляделся – какой козел орет над ухом? Впрочем, и так понятно. Гроыхал голос Гвыха:

– Ты кто такой?! Мы взяли тебя под свою защиту, а ты...

Все четыре гвыха стояли рядом с Максимом, чуть ли не в лицо тыкали волосатыми когтистыми ступнями. Но вождь кричал не на него. Немного дальше, в облюбованном Рен-Рендуком закутке сбилось в тесную кучу остальное племя. Впереди – бывший консул, по обе стороны от него, словно телохранители, – Ильма и Зира. За их спинами – лупоглазы и коротышки. Все было ясно с одного взгляда. Давно зреющий нарыв конфликта прорвался.

– Племя не желает, чтобы ты оставался вождем, Гвых. – Голос Рен-Рендука звучал громко и уверенно. Он не боялся стоявшего в пяти метрах от него чудовища, хоть и был тому едва по грудь. – Ты несправедливо делишь добычу и обязанности.

– Чиво?! – Гвых дернулся при этих словах. – Ладно, если ты хочешь справедливости, пусть будет справедливость во всем. Ты присвоил себе двух самок, а у нас на четверых нет ни одной. Поделись!

– Женщины не добыча, чтобы с ней делиться. Они сами решают, с кем жить.

– По законам народа Двона женщина – добыча!

– Мы не из твоего народа! – возразила Зира.

– Заткнись, голокожая! Если б не мы, ты давно была бы слизью! И тебя я пока не хочу, ты слишком мелкая. – Он резко вскинул руку, выставил толстый корявый палец в сторону долговязой, смахивающей на ломовую лошадь Ильмы: – Ее! Или заберу обеих, а тебе, Синие Штаны, вышибу мозги!

– Побереги свои, Гвых.

Рен-Рендук сделал еле уловимый жест, и в руках у троицы появилось оружие. У самого консула и Зире – станнеры, у Ильмы – кинжал.

Максим моргнул, не понимая, откуда у них второй станнер. А затем понял! Зира неспроста улеглась спать рядом с ним. Не ради удовольствия обнимала. Она стащила его оружие, стерва! А он чуть было не влюбился в нее!

Стволы и лезвие остудили пыл гвыхов. Но ненадолго. Все четверо злобно зарычали, кулаки их сжались, когти на ногах царапали пол. Миг – и начнется драка не на жизнь, а на смерть. А Максим до сих пор не решил, на чьей стороне он должен быть. Может, Зира права? Да, Рен-Рендук – гад, фашист и подлый убийца. Но он же человек, значит, свой. Свои всегда лучше...

Он не успел додумать. Откуда-то сверху рухнула огромная черная тень. Еще одна! Еще! И вдруг рядом громко, отчаянно завизжали. Пониматель не сумел перевести этот скрежет и треск, но и так понятно: ТырТрРа кричала от ужаса и боли. А в следующее мгновение ее крик потонул в целом хоре воплей.

Гвыхов сбили с ног сразу. Они буквально утонули под черной шевелящейся кучей. Что случилось с остальным племенем, Максим не увидел: одна из тварей приземлилась прямо перед ним. Больше всего это существо походило на гиену с десятью щетинистыми длинными лапами. Или на паука с мордой гиены. В выпученных глазах светился красноватый огонь,

в оскаленной пасти белели два ряда тонких, острых, как иглы, зубов. Но самым страшным отчего-то показалась большая, тягучая капля слюны, прилипшая к подбородку. Чудовище смотрело на Максима, и ясно было – сейчас прыгнет! И он не успевал ни вскочить, ни откатиться в сторону. Только схватить станнер и выстрелить в морду! Но оружия у него теперь не было.

Прыгнуть чудовище не успело. Что-то мелькнуло между ним и Максимом. Жилистая, покрытая короткой шерстью рука сфинкса ухватила тварь за шиворот, вздернула вверх, оторвав от земли. Тут же другая рука вцепилась в морду, из-под пальцев брызнула темная кровь. Тварь хрюкнула, отлетела назад.

– Бежим! Вверх, за мной! – скомандовал сфинкс.

Его заставили подпрыгнуть, вцепиться в толстый канат, – на счастье, сегодня тот был не под напряжением, – подтянуться, вскарабкаться. Потом они перепрыгнули на узенькую площадку. Наперерез метнулся еще один гиено-паук. Но прежде, чем Максим успел отклониться, сильная нога ударила чудовище в грудь, распорол, оставив четыре глубокие борозды. И вновь они неслись все дальше и выше, карабкались, перепрыгивали с площадки на площадку. Остановились, когда бульканье и клекот Отстойника заглушил звуки побоища. Максима била дрожь, ноги подкашивались. Пришлось сесть, чтобы отдышаться, успокоиться. Сфинкс опустился рядом. Он дышал ровно и размеренно, будто не неся во весь опор, на ходу отбиваясь от врагов.

– Спасибо. – Максим посмотрел на спутника. – Ур... извини, никак не запомню твое имя.

– Урммршшрм. Для твоего голосового аппарата невоспроизводимо, потому можешь называть меня Шур.

– Ага. Я и не знал, что у тебя такие когти.

Шур приподнял ладонь, растопырил пальцы. Они словно стали вдвое длиннее. Острые, чуть загнутые когти выдвинулись из-под покрытой шерстью кожи.

– Иногда они бывают полезны. Холодное оружие наша цивилизация не изобретала. Надобности не было.

– Слушай, – ухватился за его слова Максим, – ты никогда не рассказывал о себе, о своем мире. Тебя тоже криссы похитили?

– Естественно. О своем мире я не рассказывал, потому что никто не поверит. Тебе ведь не верят.

– Ты хочешь сказать...

– Да. Звезды. Тысячи звезд на черном ночном небе. Алые закаты над безбрежной саванной. Восход красного карлика – спутника нашего солнца – над океаном. Разноцветные луны... Таков мой мир. Прекрасный.

Максим облизнул вмиг пересохшие губы. И радостно засмеялся:

– Значит, звезды все-таки существуют! А я уж подумал, что они мне приснились. Слушай, но почему другие о них ничего не знают?

Шур помедлил, пристально глядя ему в глаза. Затем спросил:

– А ты сам как полагаешь?

Максим задумался. И выпалил то, что давно сидело в голове:

– Я думаю, на Вирии живут не только люди, но и другие народы, – все, кого похитили криссы. Для каждого есть свой город, выйти за его пределы нельзя, даже летатели не летают. Планета всегда повернута к солнцу одной стороной, поэтому те, кто на ней родились, никогда ночи и не видели. А те, кого похитили... Может, они были маленькими и забыли? Или врут, что родились не здесь, откуда мне знать! А еще я думаю, что Отстойник – это и есть обратная сторона той планеты! Это фабрика, на которой криссы делают еду и разные вещи.

– Неплохое объяснение, – уважительно согласился Шур. – Есть несколько логических нестыковок, но в первом приближении подойдет. В любом случае мы должны как можно скорее выбраться из Отстойника. Я не хочу стать полуфабрикатом.

– Угу, выбраться. Если отсюда вообще есть выход.

– Обязательно есть. Посмотри – зачем все эти площадки и мостики? Не для нас же. Да и не оставят криссы такой важный объект без присмотра. Если есть входы сюда, обязательно должны быть выходы отсюда.

– Так что, идем искать? – Максим вскочил, готовый немедленно отправиться на поиски... И обратно сел. – Постой, а как же наши? Я не могу их бросить. Может, они ранены, им нужна помощь? Мы должны вернуться, узнать.

Шур подумал, моргнул, соглашаясь.

Возвращение заняло больше часа. Максим и не предполагал, что они так далеко убежали. И когда спустились наконец, сражение с гиено-пауками было закончено. Коротышки деловито отволакивали туши тварей подальше от гнезда, лупоглазы перевязывали раненых разноцветными полосами распоротой одежды. Рен-Рендук сумел защитить своих сторонников. Потери среди них ограничились несколькими укусами и царапинами, пусть глубокими, но не слишком опасными. Зато его противникам досталось куда сильнее. Самого Гвыха твари загрызли на месте, еще одного из его сородичей изодрали так, что тот лежал при смерти. Двое оставшихся тоже были серьезно ранены. Так что спор, кому быть вожаком племени, решил сам собой.

Гвыхов Максим не жалел – сами виноваты, что не сумели за себя постоять с такими-то кулаками. Но вместе с ними погибла и ТырТрРа. Когда он увидел искромсанное тело кррсы...

Шур понял, о чем он подумал, положил руку на плечо.

– Мы не успели бы ей помочь. Она держалась в стороне, потому на нее набросились в первую очередь. Отбиваться от стаи опасно. Принимать сторону сильных полезнее для здоровья.

Максим резко повернулся к нему, хотел возразить... Но тут их заметил Рен-Рендук.

– А, Маакс вернулся! Жаль, что ты упустил возможность стать первым консулом при магистре и получить в жены эту красавицу. – Он обнял за талию подошедшую следом Зиру. Та поморщилась, но высвободиться не пыталась. – Но Рен-Рендук рад, что ты уцелел.

– Станнер отдайте, – хмуро потребовал Максим.

– Он тебе не понадобится, – ухмыльнулся самопровозглашенный магистр. – Рен-Рендук освобождает тебя от охоты. У тебя будет новая обязанность. Оставаться в этой дыре глупо и опасно. Ты найдешь для нас выход отсюда. Ты же сам об этом мечтаешь, правильно?

У Максима челюсть отвисла.

– Почему вы решили, что я смогу?

– Одну дверь ты уже нашел. – Магистр взмахнул рукой, не давая возразить. – И здесь сумел выбраться из внутренностей Отстойника. И в сегодняшней заварушке вывернулся. Ты ловкий парень, Рен-Рендук сразу это понял. Если кто и найдет дверь, то только ты.

Максим не мог понять, Рен-Рендук издевается над ним или говорит серьезно. И в туннеле, и сегодня ему просто везло.

– Оружие все равно отдайте, – повторил он. – Если хотите, чтобы я нашел дверь, а не меня – какой-нибудь паучара.

– Нет. Но кое-что Рен-Рендук тебе подарит. Протяни руку. Да не бойся, не бойся.

Магистр взял его левую руку, приподнял. И неожиданно нацепил на запястье блестящий широкий браслет, прокрутил несколько раз, отчего тот плотно прилип к коже. Максим испуганно отпрянул, но магистр и не собирался его удерживать. Засмеялся и продемонстрировал у себя на руке такой же.

– Это «говоритель», очень полезная вещь. Где бы ты ни находился, всегда сможешь поговорить с Рен-Рендуком. И наоборот, мы всегда будем знать, где ты находишься.

Максим покосился на браслет. Осторожно потрогал «подарок».

– Снять не получится, – продолжал объяснять магистр. – И если ты найдешь выход, но забудешь сообщить об этом своему другу Рен-Рендуку, а попробуешь улизнуть сам, мы все равно узнаем. Так что не рискуй.

Шур, стоявший поодаль, пока они разговаривали, шагнул ближе.

– Я буду искать дверь вместе с Максом. Я буду его оружием.

Он приподнял верхнюю губу, демонстрируя ровные белые зубы. У сфинкса это означало улыбку, но выглядело жутковато. Рен-Рендук поспешно отступил за спину Зиры.

– Вот и замечательно. Можете отправляться немедленно.

Максим тоже улыбнулся невольно. Шур в качестве напарника – это не какой-нибудь Гундарин! Единомышленник и оружие в одном лице – шансы найти выход из Отстойника раньше, чем их тут сожрут, резко увеличивались...

* * *

В тот день они добрались до крыши Отстойника. Неизвестно, что скрывалось за ней. Может, и правда звезды? Они много часов искали люк, окно, какую-то отдушину. Хоть маленькое отверстие! Тщетно. В конце концов Рен-Рендук забеспокоился, потребовал немедленно возвращаться. Решив, что смысла в очередной раз ссориться с магистром нет никакого, они подчинились распоряжению. И где-то на половине пути наткнулись на Ильму.

Точнее, это она на них наткнулась. Вылетела из-за угла оранжевой торпедой, чуть не сбив с ног. Волосы дыбом, глаза выпучены. Увидеть белую от ужаса Ильму – да, это было страшно.

– Ильма, что?! – только и успел крикнуть ей Максим.

Девушка уставилась на него, будто не узнавая. Грудь ходила ходуном под рубахой.

– Макс? Там... там... мухи, как в Вирии!

– Мусорные мошки? – не понял Максим. – Ну и что?

– Они... кусают... коротышки...

Она задыхалась, захлебывалась словами. Понять что-то из ее воплей казалось невыносимым. Но раз коротышек рядом с ней не было...

– Дай! – Максим выдернул станнер у нее из руки, бросился назад по вздрагивающему под ногами мостику.

Двух коротышек он увидел, едва обогнул огромную, волдыристую «грушу». Те бежали прямо на него, спотыкались, падали, снова вскакивали. А буквально по пятам за ними несло невиданное, косматое, серо-стальное чудовище. Максим вскинул станнер... и застыл, ошеломленный не меньше Ильмы. За сородичами бежал еще один коротышка! Мошки облепили его с ног до головы, огромный рой их вился позади длинным шлейфом. Коротышка споткнулся, упал, на секунду освободившись от жуткого одеяния. От него мало что осталось – кроваво-красный огрызок.

Максим опомнился, выстрелил в самую гущу роя. Но разряд станнера мошкам оказался не страшен. Облако колыхнулось недовольно, малая часть его опустилась на добычу, большая – устремилась к Максиму! Нет, с этим противником бесполезно было сражаться. От него нужно драпать!

В пять шагов Максим догнал и обогнал олли. Лишь когда налетел на стоящего неподвижно Шура, сообразил: мелкие бегством не спасутся. Но чем он им поможет?!

Шур подхватил одного коротышку, кинул трясущейся от страха Ильме: «Держи!», второго зажал под мышкой. Взглянул на Максима: «Прикрывай!» Прикрывай... Это означало, что надо бежать последним, то и дело останавливаться, стрелять в серое, мерно звенящее облако. А оно ведь не отступало, только расплескивалось по сторонам, обходило слева и справа, сверху

и снизу. И это уже был не один рой. Он делился, множился, он словно стремился вычистить, вылизать весь Отстойник!

Они неслись, перепрыгивая с площадки на площадку, с мостика на мостик, с трубы на трубу. Они не разбирали направления. Только не дать облаку догнать их, не оступиться!

Оступился не Максим, а Ильма. Девушка вскрикнула, не удержалась на слишком круто уходящей вниз трубе, опрокинулась, падая в пустоту... Нет, она не расшиблась, антигравитаторы работали исправно. Она медленно парила, опускаясь на висящую тридцатью метрами ниже платформу. Но рой тут же устремился за ней, в один миг накрыл и девушку, и олли, которого та держала в руках. Максим вскинул станнер... Но какой смысл стрелять? Разве что избавить их от боли?

– Макс, сюда! – закричал Шур. – Быстрее!

Сфинкс уже карабкался по свисающему сверху канату. Спрашивать, что он задумал, было некогда. Максим подпрыгнул, ухватился за канат и полез следом. Остановились они у самого купола Отстойника. Только здесь Шур выпустил спасенного коротышку. Приказал коротко:

– Рассказывай!

Олли – это был Гуня-Гундарин – плаксиво фыркнул, запричитал:

– Они сбесились! Они ж мусор должны...

– Конкретней! – оборвал причитания Шур.

Рассказ получился недолгим. Ильма и трое коротышек выследили небольшую стаю блохо-крыс. Все шло как обычно: стаю обложили, Ильма подстрелила с десятков. Но когда олли побежали, чтобы подобрать добычу...

– Тут эти мухи и налетели, откуда-то! Сперва на блох накинудись, мы отогнать хотели, тогда они – на нас! Почему, Макс? Мы ж разве мусор?

Максим тоже не мог понять, что случилось. Ясно ведь, что мошки эти не настоящие, не живые. Что это роботы. В Вирии никто и подумать не мог, что они на людей нападать станут.

На живых людей – внезапно блеснула догадка. А что в Вирии делают с мертвыми? Он никогда не задумывался об этом...

– Мусор, – не дал ему додумать Шур. – Здесь мы мусор. Криссы чистят Отстойник. Дезинфицируют.

Максим невольно поежился. Звучало зловеще. Но очень сильно походило на правду. Он посмотрел на сфинкса.

– Думаешь, сюда они не доберутся?

– Доберутся. Но не сразу. Нижние ярусы заселены густо. Сначала мошки зачистят там. Потом прилетят сюда.

– И что нам делать?

– Искать дверь.

Максим даже зубами скрипнул. Где ж ее искать, и так все переискали?! И вдруг – осенило!

Он резко повернулся к Гуне, сгреб его в охапку.

– Откуда мошки взялись?

– Не знаю... – испуганно съежился тот. – А, вспомнил, из кишки вылетели.

– А там рядом был водопойный шар?

– Нет... Да.

– Я понял, кажется. – Максим быстро переводил взгляд с Гуни на Шура. – Все двери – во внутренностях Отстойника, а не между ними! Я сюда вывалился внутри здоровенной желтой сферы. И ты, и ты, правильно? А снаружи эти сферы – водопойные шары! Когда из них вода сочится, они в одну сторону работают, когда нет – в другую.

Шур смотрел на него пристально и недоверчиво.

– Макс, я не улавливаю логику твоего рассуждения.

– При чем здесь логика? Бежим, нужно шар найти!

Наверное, уверенность в правоте заразительна. Ни Шур, ни Гуня больше не пытались с ним спорить. Но, едва вскочив, Максим остановился.

– А как же наши? Мошки вот-вот доберутся до гнезда! – Сжал браслет-говоритель, заставляя включиться. Закричал: – Магистр, магистр! Ты меня слышишь?

– Рен-Рендук слышит тебя, Маакс, – мгновенно отозвался тот. – Что у тебя случилось?

– Мусорные мошки в Отстойнике! Криссы решили чистоту навести – мошки всех подряд жрут. Но я нашел, как отсюда выбраться! Веди народ по маяку!

Что-что, но соображал Рен-Рендук молниеносно. Ни уточнять, ни переспрашивать он не стал.

– Понятно. Мы идем.

Сухой шар они нашли минут через двадцать. А еще через пять сюда же добрались Рен-Рендук и Зира.

– Остальные где?! – заорал на них Максим, догадываясь, каким будет ответ.

Рен-Рендук скорчил гримасу, трагично воздел руки:

– Проклятые криссы! Никто не спасся. – И совсем другим, деловитым голосом спросил: – Дверь где?

– Здесь! – Максим ударил кулаком по лоснящейся, упругой поверхности шара. – Внутри.

Рен-Рендук нахмурился.

– И как туда попасть?

Максим кивнул на кинжал в руке у девушки:

– Резать?!

Связываться с внутренностями Отстойника не решился бы ни один из его обитателей. Рен-Рендук и Зира даже попятнулись от такого предложения. Тогда Максим выхватил у девочки кинжал и резко вонзил его в бок шара.

Шар басовито загудел, завибрировал. Ему явно не понравилось такое надругательство. Возможно, он угрожал? Или просил пощады? Максим не останавливался. Выдернул клинок, вновь ударил. Шур подскочил к нему, с размаху запустил в упругую поверхность когти, аж затрещало.

Они безжалостно кромсали шар, пытаясь прорвать толстую, рыхлую оболочку. Тот вибрировал все сильнее, гудел громче. Возмущался так, что слышно было во всех уголках Отстойника. И его услышали.

– Мухи! – истошно заверещал Гуня.

Максим оглянулся на миг – серое, звенящее облако поднималось снизу. Оно поглощало мостики и платформы, канаты и шланги. Оно словно вспухало, вскипало. Еще несколько секунд – и оно захлестнет все вокруг!

– Сюда! – Он рванул кинжалом податливую плоть шара, и...

Шар обиженно булькнул, съежился, будто выпустил раздувающий его газ. Потом резко вывернулся, хлестко ударил наглых тварей, прилепившихся к его оболочке. Отшвырнул их навстречу рою. Максим почувствовал, что летит...

И тут же лазерная спираль завертелась перед глазами.

Глава 4, в которой все только начинается

Шел теплый весенний дождь. Низкие, тяжелые облака закрыли небосвод от горизонта до горизонта. Нет, на самом-то деле горизонта видно не было. Максим лежал в густой зеленой траве посреди круглой поляны, окруженной дубками. На самой обыкновенной лесной поляне.

Помедлив, он сел. Огляделся, боясь поверить своим глазам. И встретился взглядом с Шуром. Сфинкс понял его немой вопрос, отрицательно тряхнул головой:

– Нет, это не мой мир.

– А я и не знаю, ежели по правде, – пискнул, осторожно приподнимаясь, Гуня, – Мож, это Од'дом. А мож, и не Од'дом?

Рен-Рендук и Зира ничего не сказали. Они стояли на четвереньках и затравленно озирались по сторонам. У магистра мелко тряслась отвисшая челюсть. Максим посмотрел на спутников снисходительно и засмеялся. Радостно, заливисто.

– Так я вам скажу, что это за мир. Это Земля! – Он быстро сорвал пушистый желтый цветок на длинном, пустотелом стебле. – Вот! Это растение называется одуванчик. Цветет, значит, сейчас весна, начало мая! С праздником, дорогие товарищи!

И захохотал еще громче. Зира поднялась на ноги, помогла выпрямиться своему «мужу». Кисть Рен-Рендука побелела, так крепко он сжимал рукоять станнера. Максим взглянул на оружие... и смеяться перехотелось. Все-таки допустил он этого гада на Землю. Ничего, в одиночку тот беды натворить не сможет. Сдать его в полицию, а лучше – в ФСБ, и все дела. И «жену» его сдать за компанию. Предательница!

Зира будто услышала мысли Максима, посмотрела на него. Робко улыбнулась. Подлизывается, стерва. Лучше бы мошки ее съели, чем Ильму!

Он испугался такого пожелания. Нет, это уж слишком. Он вовсе не хотел, чтобы с Зирой случилось такое. Он просто злился на нее. И на себя – за те фантазии, когда они лежали вдвоем. Надо же, он и правда поверил, что нравится ей. А ведь знал, что такие красивые девчонки только сами себя любят...

– А от твоей Земли далеко до Од'дома? – пискнул Гуня.

Максим взглянул на него непонимающе. И вдруг сообразил, что главной заботой станут не Рен-Рендук и Зира, а сфинкс и олли. Куда их-то девать? Тоже в ФСБ? Ну не в цирк же. Однако все эти проблемы были уже домашними, земными. Думать о них было приятно и спокойно. А не думать – еще приятней. Куда спешить? Приключение закончилось, торопиться больше некуда. Как-то оно все утрясется, не может не утрястись. Прежде следовало понять, где они «придверились», найти жилье... Нет, прежде всего нужно было сходить по-маленькому.

Он встал, обвел взглядом спутников. Спросил:

– Никому не надо... ну, в кусты? «Мальчики налево, девочки направо»? Физиологическая потребность, а? И не тряситесь вы так! У нас на Земле безопасно.

– Да, да! – Гуня даже подпрыгнул. – У меня очень большая физилагическая потребность! Давно!

Он рванул налево раньше, чем Максим успел сделать шаг. Шур обнажил зубы в улыбке, тоже поднялся:

– Пошли налево.

Зира хмыкнула, молча повернулась в противоположную сторону, поспешила к высоким кустам, покрытым желтыми цветочками и гроздьями черных шариков. И только Рен-Рендук остался на месте. Он вертел головой, видно, не мог решить, к кому присоединиться. И лишь когда Максим, наклонившись, шагнул под ветви дубков, выбрал:

– Подождите!

Забираться далеко в лес Максим не хотел. К тому же за первым рядом дубков начинались заросли ежевики. Крупные черные ягоды, омытые дождем, аппетитно поблескивали, манили к себе. Он не удержался от соблазна, и, покончив с потребностью, нарвал пригоршню. Ягоды были сладкие, спелые.

– Попробуй, – протянул он остаток Шуру, – вкусно.

Сфинкс недоверчиво взял одну ягоду, сунул в рот. Разжевал, потом выплюнул. Объяснил:

– Мне не вкусно. Предпочитаю белковую пищу углеродной.

Максим насмешливо улыбнулся.

– А как же витами...

Истошный женский визг перебил его на полуслове. Короткий, страшный. Полоснул по ушам и оборвался. Кричали близко, на другом краю поляны. Зира!

В цветущий кустарник они вломились одновременно со сфинксом. Максим раздвинул ветви... и почувствовал, как зашевелились волосы на затылке.

Зира лежала на земле, поджав одну ногу и выпростав другую. Вернее, лежало то, что прежде было Зирой. Голова и левая рука вместе с надплечьем исчезли, кровь заливала остатки рубашки и шорты. Кровь выплескивалась из страшных ран, растекалась лужей, не успевала впитаться во влажную землю. Комок дурноты рванул вверх по пищеводу... И тут же замерз от ужаса, сковавшего мышцы.

По подбородку зверя, склонившегося над телом Зиры, тоже скатывались капли крови. Это был не волк и не медведь, не лев и не тигр. Приземистый, широкогрудый, с мощными лапами, сплюснутой головой на короткой шее, покрытый бурой, пятнистой шерстью. Скошенный лоб, уши, прижатые к голове, глубоко спрятанные маленькие глаза. Зато клыки – огромные, словно два клинка! Чудовище как раз заканчивало смаковать откушенную руку. Услышало шум в кустах, вскинуло голову, рыкнуло, присело, мгновенно приготовившись прыгнуть. Сбросив оцепенение, Максим лапнул по поясу, спеша выхватить станнер...

Оружия на месте не было. Мгновенная растерянность – и ужас, ударивший с новой силой. Он потерял станнер в Отстойнике, а с кинжалом против таких зубов...

Где-то в стороне рыкнули в ответ. Затрещали ветви, сородич зверя выскочил из-за деревьев. Запах крови и вид разодранной жертвы опьянил его. Не глядя на кусты, он прыгнул к распластанному телу, вцепился зубами и когтями в теплую плоть. Первый зверь возмущенно взревел, ударил наглеца лапой по загривку. Максим и Шур, не дожидаясь, чем закончится разборка, рванули прочь.

Далеко бежать не пришлось. Посреди поляны стоял Гуня, белый как снег, и жалобно причитал:

– Мамочка моя родная, забери меня отсюда... Хоть куда-нибудь забери!

Максиму хватило одного взгляда, чтобы и у него на спине выступила испарина. Из лесу выходили... одно, два, три, четыре чудовища. Стая обкладывала их. А Рен-Рендук с единственным теперь у них станнером исчез!

– Рен-Рендук! – заорал Максим. Вспомнил о браслете, крутанул выключатель, снова закричал: – Рен-Рендук! Ты где?!

Бесполезно. Бывший консул Вирии сбежал, едва услышал предсмертный вопль Зиры. Шур тронул Максима за плечо.

– Ты сказал, что на Земле не опасно?

И Максим вынужден был признать:

– Это не Земля.

Не Земля! На Земле не бывает одновременно одуванчиков и спелой ежевики! На Земле смородина сперва цветет, а потом плодоносит! А главное – на Земле не водятся такие чудовища! И будто подтверждая его слова, пелена облаков над головой прорвалась, обнажая лоскут изумрудно-зеленого неба.

– Не Земля? Тогда – бежим! – рыкнул Шур.

Они неслись сквозь этот, так похожий на земной, но неземной лес. Неслись сквозь заросли ежевики и кусты смородины, неслись, обламывая ветви дубов и осин, неслись, в кровь раздирая босые ноги. По очереди тащили на загривках Гуню, съжившегося, непривычно молчаливого, не решающегося даже пискнуть. Бежали, сами не зная куда. Здесь было страшней, чем в Отстойнике!

Стая саблезубых гнала их, оцепив полукольцом. Гнала все дальше и дальше, стараясь вымотать силы жертв, заставить упасть бездыханными. Чудовища могли бы покончить с погодней в несколько минут, но почему-то не решались нападать в открытую. Зиру они убили сзади, исподтишка. Саблезубые словно боялись чего-то. Но размышлять над этим не было ни сил, ни времени.

Закончилось все в один миг. Максим зацепился ногой за корягу, вскрикнул, понимая, что падает. Свалившийся с его загривка Гуня завopil, кубарем покотился в кусты. Шур обернулся, бросился на подмогу. Но что он мог сделать со своими когтями против двадцатисантиметровых кинжалов? Бурая темь метнулась между деревьями, саблезубая пасть распахнулась. Максим зажмурился, представив, что сейчас ему оторвут голову, как Зире...

Потом осторожно открыл один глаз. Позади, метрах в трех, тихо скулил коротышка. Впереди, тоже метрах в трех, стоял в боевой стойке Шур. А дальше лежала огромная пятнистая туша. И больше ни одного саблезубого ни видно, ни слышно не было.

– Как это ты его? – не поверил своим глазам Максим.

– Я? – Шур обернулся. – Это не я. Похоже, его станнером сняли.

– Рен-Рендук?

Максим быстро вскочил, оглядываясь по сторонам. И тотчас кусты, нависавшие над Гундариним, колыхнулись, расступились, пропуская... ясное дело, не бывшего консула.

Из кустов вышли двое. Высокие, крепко сложенные, бородатые, с длинными гривами темно-русых волос, заплетенными в косы. И бороды, и прически, и одежда – буро-зеленые, похожие на камуфляж куртки, повязанные кушаками, такого же цвета брюки, – и мягкая, похожая на индейские мокасины обувь, – у них все было одинаково. Оттого и сами они казались похожими, как братья. Всего и отличий: у одного в руках был лук, а у другого на поясе болтался длинный, широкий тесак и багровел шрам в пол щеки.

– О, а короткий откуда тут взялся? – лучник хмуро глянул на Гундарина.

– Не иначе шпионит, гаденьш, – предположил второй.

Максим понятия не имел, кто они. Но это были люди.

Лучник молча смерил его взглядом. Затем посмотрел на Шура, и брови его удивленно приподнялись.

– А это что за тип? Никогда таких не видел. – Он повернулся к кустам, окликнул: – Огница, ты глянь, что тут делается.

Кусты снова вздрогнули, и оттуда вышла девушка. Волосы у нее действительно были огненно-рыжими. Сама – высокая, стройная, длинноногая. На чуть вытянутом лице – тонкий прямой нос, маленький рот и большие, зеленоватые глаза. Девушка была красивой, несмотря на веснушки, густо усеявшие ее лоб и щеки. Совсем другой красотой, чем Зира, но красивая. Однако куда важнее было другое – за кушаком у нее торчал станнер. Теперь Максим точно знал, кто спас их от стаи саблезубых.

Впрочем, настроены спасители были не очень-то дружелюбно.

– Мож, этого прямо здесь вздернем? – Лучник указал на Гуню. – Чтоб знали короткие, как договор нарушать.

Гуня испуганно пополз прочь от него, замахал руками:

– Я не нарушал! Я не знаю никакого договора!

– Мы ничего плохого не сделали, – поспешил поддержать его Максим. – Мы случайно сюда попали.

– Гляди-ка, и пацан не по-нашему бормочет, – уставился на него меченый. – Ты вообще кто такой?

– Я Макс, Максим Волгин. Я из Вирии убежал. А родился я на Земле. Меня криссы похитили! И их тоже.

Незнакомцы быстро переглянулись.

– Кажись, он зеленых помянул. – В голосе лучника появилась тревога. – И говорит непонятно. Что делать-то? Может, всех их того? На ближайшей осине? Пока беды не случилось.

Максим вдруг сообразил, что они не понимают его речь. Сразу не додумался, потому как привык, что все друг друга понимают, на каком бы языке ни разговаривали. И имен этих дядек он не знал. Он бы и девушки имя не узнал, если бы ее не назвали! Пониматель больше не работает?! Да нет, не так, он же перевод их разговора слышит. Значит...

Шур произнес:

– Макс, у них нет имплантатов. Это мир свободных людей. Но о криссах они знают.

Да, так и есть! Максим прикинул: похоже, они попали в мир Гоэльта и Тальды? Тогда неудивительно, что здесь не любят жаб. Он поспешно ткнул себя в грудь:

– Я – Макс. – Показал на девушку: – Ты – Огница. Мы – друзья. Криссы – враги.

– Мне почудилось или он твое имя назвал? – повернулся к девушке лучник. – Откуда он тебя знает? Если толмач, то почему говорит не по-нашему?

Огница прищурилась, губы ее зловеще скривились.

– Разберемся. Вяжите его, в город поведем, допросим. И короткого вяжите.

– Мож, короткого все-таки вздернем? – вновь предложил лучник. – У князя сердце мягкое, ждать решения Совета станет. А эта дрянь сбежит между тем. Они ж как кроты землю роют!

– А с шерстяным что? – встрял в спор и меченый. – Глянь, как смотрит недобро. И когти, когти-то какие! Мож, он саблезубым родич?

– Так пусть с ними и остается. Оглушу его, и всех дел. – Девушка пожала плечами. Приказала: – Падуб, присмотри за мальчишкой, чтобы не рыпался.

Лучник неторопливо вынул стрелу из колчана. Его приятель шагнул к Гуне, на ходу вытаскивая из сумки веревку. А девушка повернулась к Шуру, положила ладонь на рукоять станнера. Что она собиралась сделать, было понятно любому. И было понятно, что переговоры не получились. Времени доказывать, убеждать нет. Еще секунда – и его не останется ни для чего!

Максим прыгнул раньше, чем лучник положил стрелу на тетиву. Сбил девушку с ног, подмял под себя, перехватил рукой ее руку, сжимавшую станнер, другой прижал кинжал к горлу. Тело у Огницы было крепким и сильным. И она была чересчур ловкая для девчонки. Если бы не руббольные тренировки, он бы, пожалуй, с ней не справился.

Шур тоже времени не терял. Бросился на лучника, обезоружил, повалил, прижал к земле когтистыми лапами. Третий охотник, успевший схватить Гуню и набросить ему петлю за шею, изумленно выпучил глаза.

– Ну, ты! – заорал на него Максим. – Отпусти малого! А то порежу твою командиршу!

Он вовсе не был уверен, что способен выполнить такую угрозу: резануть девчонку ножом даже чуть-чуть. Но пусть эти охотники поверят. Пусть поверят!

Шур рыкнул, поддерживая его угрозу. Чиркнул когтем по щеке лучника, и струйка крови тотчас побежала на землю. Увидеть пять лезвий-когтей у своего лица, должно быть, очень страшно. Лучник зажмурился, замер, опасаясь вздохнуть лишний раз.

Зато Огница не испугалась и, кажется, не поверила страшным рокам, которые корчил Максим. Напряглась, что было силы, дернулась, попыталась вывернуться. Пришлось прижать

ее всей своей тяжестью, вдавить в землю. Он ощущал каждый изгиб ее тела, и глаза ее, полные ненависти, были так близко. И губы, чуть приоткрытые, маленькие. Вот блин, нашел, о чем думать!

Оставшийся на свободе охотник не понимал его слов. Но смысл происходящего понял прекрасно. Зло сверкая глазами, разжал хватку, выпустил конец веревки из рук. Помедлив, отступил на два шага.

– Молодец, – похвалил его Максим. И тут же прикрикнул на коротышку: – Гуня, чего ты расселся?! Забери оружие у этой!

Он побольней сжал запястье девушки, ударил о землю:

– А ты не дергайся! И пистолет брось, быстро!

Гундарин вскочил, снял петлю, подбежал, принялся разгибать пальцы девушки. Огница зарычала не хуже, чем Шур, но удержать рукоять станнера не смогла.

Убедившись, что она обезоружена, Максим резко оттолкнулся, вскочил. И Шур освободил своего противника, быстро отпрыгнул в сторону. Лук он предусмотрительно захватил с собой.

– Так-то лучше. – Максим отобрал станнер у Гуни, улыбнулся, глядя, как девушка и ее спутник поднимаются на ноги. – Теперь можно и побеседовать.

– Говорил же, сразу надо было их утихомирить, – хмуро пробубнил лучник. – Всех.

– Как бы они нас не того... – ответил ему приятель. – Огница, что делать-то будем?

Девушка молчала. Только покусывала губы и смотрела на Максима. Он улыбнулся ей как можно радушной, мол, не сердись, ничего личного. Бросил станнер Шуру, отдал кинжал Гуне. Поднял вверх руки, демонстрируя охотникам пустые ладони.

– Мы не хотим с вами воевать. Мы ваши друзья. Макс и Огница – друзья.

– Что ж он белькочет-то? Не понять! – Меченый сплюнул с досады. – Эх, толмача бы сюда...

– Друзья, вам нужен толмач? Так он к вашим услугам.

Все шестеро разом повернули голову. К ним шел, улыбаясь во всю свою необъятную рожу, Рен-Рендук.

Да, это была не Земля. Добрия – называли свой мир его обитатели. Вернее, так называлась небольшая, заселенная людьми часть его – несколько десятков городов и поселков, расположившихся на берегах широкой медленной реки и ее притоков. Когда люди пришли сюда и откуда, неизвестно. Много поколений назад. Здесь не вели летописей и хроник, и время было таким же условным, как в Вирии. Только там его отмеряли пониматели в головах жителей с точностью до секунды, а здесь – гулкые удары колоколов на городских звонницах возвещали каждый десятый час. Такой промежуток времени здесь и считался часом. Десять часов – день, десять дней – большой день, десять больших дней – год, десять годов – большой год. А дальше никто не считал, дальше было «много». Потому время в Добрии текло медленно, да и то лишь там, где слышен был колокольный звон. Солнце стояло в зените вечно-весенне-летне-осеннего полдня.

По государственному устройству Добрия была то ли племенным союзом, то ли феодальной республикой, но что такое власть, здесь знали хорошо. Власть – это Союз князей, у каждого – собственный удел, свой город или поселок, своя дружина. Власть – это стража, оберегающая Добрию от незваных гостей извне. Наконец, власть – это хранители, тиуны и толмачи, люди, когда-то сбежавшие от криссов и носящие в головах имплантаты-пониматели. Такие, как Максим. Нет, такие, как Рен-Рендук.

Власть князей была основана на традициях, кровных и семейных узах, на богатстве, естественно. Власть стражников держалась на силе, сплоченности и оружии криссов, которым они владели. В чем власть толмачей, Максим не понимал, пока тот же Рен-Рендук не объяснил.

Жители Добрии занимались охотой и ремеслами, собирали ягоды, выращивали овощи, разводили домашний скот. Но это лишь в малой мере обеспечивало их пищей, жильем и одеждой. Остальное они получали из Задвери! Задверь – мир за дверью, копия Вирии, пустующий и неподконтрольный криссам. Кормители, одеватели и прочие поставщики халявы работали там исправно, обеспечивая потребителей. Но исключительно тех, кто мог возжелать.

Всем хороша была Задверь. Одна беда – попасть в нее можно было не только из Добрии. Соперниками людей оказались коротышки-олли. Дверь из их мира открывалась неподалеку от входа из Добрии. Многие годы люди и олли вели войну за богатства Задвери. Потом заключили перемирие, прочертили границу, каждый из народов начал пользоваться своими кормителями и одевателями. Память о войне была слишком свежа, потому любая, пусть нечаянная попытка нарушить границу пресекалась беспощадно. А уж о том, чтобы забраться в чужой мир, не было и речи. Незадачливый Гуня сделался военным преступником, шпионом и диверсантом потому, что оказался не в том месте, не в то время.

Неизвестно, была ли Добрия родиной Гоэльта и Тальды, но люди здесь говорили на том же языке, что и вирийцы. Потому Рен-Рендука посчитали своим, и самочинно присвоенное им звание толмача никто не оспаривал. Максиму не так повезло. Во-первых, оказалось, что обезоружили они не простых охотников, а стражу двери. Во-вторых, Огница была младшей дочерью князя ближайшего городка – Древца. В-третьих, Максим сам заявил, что Гуня его друг. А друзья наших врагов... Понятно, в общем. И кому какое дело, что они защищались? Стражи были при исполнении, чужакам шастать по Добрии не полагалось. А уж валять по траве княжских дочек – и подавно. В общем, для смертного приговора преступлений хватало.

Однако народ в Добрии был хоть и жесткий, но справедливый. И законопослушный. Болтать стражники могли все, что угодно, но повесить без суда и следствия вряд ли осмелились бы. А после того, как Рен-Рендук разъяснил, что спутники его – беглецы от криссов, дело и вовсе запуталось. Как быть с незваными гостями, мог решить только Совет князей...

Пока суд да дело, пленников поселили в доме на окраине Древца. Стены у дома были крепкими, окна – маленькими. И весь он чрезвычайно смахивал на тюрьму. К тому же обнесен двухметровым бревенчатым забором, за которым постоянно дежурила парочка стражников. Шуру и Гуне выходить за забор запрещалось, «для их же безопасности». Максиму разрешили гулять по городу, но косились на него крайне подозрительно. Потому выходил он редко, а сведения о Добрии черпал в основном из рассказов Рен-Рендука, исправно навещавшего бывших «соплеменников».

На десятый день их появления в Добрии, как раз когда колокол возвестил, что пришло время последней трапезы, бывший консул заявился с известием о своем новом назначении. Лицо его прямо-таки светилось от удовольствия и усики торжествующе топорщились. Радоваться было чему: князь пожаловал ему титул тиуна, то бишь сборщика халявы в Задвери.

– Сегодня не требуется! – Новоявленный тиун захлопнул дверь перед носом у стражника, тащившего заключенным котелок с ужином. – Сегодня у нас праздник. Рен-Рендук угощает!

Пусть был он гадом и мерзавцем, каких поискать, но жадности за ним не водилось. Минута – и на столе стояли жареное мясо с грибной подливой, гора толстых, широких, как тарелка, оладий, миска сметаны, туюски с малиной, ежевикой, смородиной. И последним мазком в натюрморте – графин с темно-рубиновым напитком.

У Гуни слюнки потекли от вида стольких лакомств.

– Ах ты ж, лепота! Нас так не кормят. Все суп да каша, никто не знает, из чего сделанная. – Не дожидаясь остальных, он схватил верхнюю оладью, макнул в сметану, сунул в рот.

Угощение в самом деле было знатное. У Максима рот начал наполняться слюной. Он взял вилку, наколот кусок мяса, отправил в рот. Да, это вам не блошатица из Отстойника и не синтетическая еда Вирии.

– Вкусно? – Тиун самодовольно улыбнулся. – Давайте выпьем за Рен-Рендука.

Он плеснул в хрустальные, как и графин, стопки себе, затем Максиму. Помедлив, налил третью, подвинул Шуру. Коротышку демонстративно проигнорировал.

Максим поднес стопку ко рту, пригубил. Жидкость напоминала коньяк если не вкусом, то градусами точно. На Земле ему доводилось пару раз коньяк попробовать – не понравился. А тут он и подавно пить его не собирался.

Он поставил стопку, посмотрел на Шура. Сфинкс сидел не притрагиваясь ни к еде, ни к питью. Зато Рен-Рендук лихо опрокинул в себя жидкость, крикнул от удовольствия. Зачерпнул горсть красной смородины, высыпал в рот, принялся жевать, громко чавкая. Затем посмотрел на стопки Максима и Шура, усмехнулся.

– Что, не хотите радоваться за Рен-Рендука? Ваше дело. Между прочим, Маакс, мог бы и ты пойти в За-дверь, а не прозябать в этой дыре. Не умеешь друзей выбирать, в этом твоя беда. Посмотри сам, с кем ты водишься?

Шур на выпад никак не прореагировал, а мысли Гуни и подавно были заняты другим. Он уже расправлялся со второй оладьей, миска сметаны как-то незаметно переместилась к нему на край стола и успела наполовину опустеть. Теперь олли с вожделием смотрел на стопки с наливкой. И лишь почувствовав направленные на него взгляды, встрепенулся:

– А я чё? Я ничё. Не налиivate, и ладно. Еще не известно, чиво вы там пьете. Вот у нас в Од’доме наливка...

Он потянулся за очередной оладьей, но Рен-Рендук вдруг стукнул рукой по столу:

– А ну, недоросток, брысь отсюда! Булки слопал, и хватит с тебя! Нечего взрослые разговоры слушать. Спать иди. Од’дом ему, видишь ли, подавай.

Олли вздохнул, слез с табурета, побрел в спальню. Максим хотел возмутиться вопиющей дискриминацией, но перехватил взгляд Шура и промолчал. Сфинкс поднялся из-за стола и ушел следом за товарищем.

– Да уж, приятелей ты себе выбрал, – хохотнул им в спину Рен-Рендук. Подцепил вилкой кусок мяса, сунул в рот. – Эх, Маакс, Маакс! Угораздило тебя и со стражей поссориться, и дочь местного князя обидеть.

Он жевал, но кусок был слишком большим, не помещался целиком во рту. Подлива текла по подбородку, капала на новенький пурпурный жилет.

– За такие дела казнить вас всех следовало. Благодаря Рен-Рендука, что живой. Не знаю, как ты и выкрутишься. Держался бы за Рен-Рендука...

– За вас?! – Максим наконец не вытерпел. – Вы же меня убить хотели, и в Вирии, и в Отстойнике, забыли? Да вы... вы... Вон, Зира за вас держалась. И где она?

Тиун засмеялся ему в лицо:

– Ты ничего не понимаешь, мальчишка. Победителей не судят. А Рен-Рендук побеждает всегда!

Он выпил еще одну рюмку, потом еще. Он смеялся и пил, хвалил себя и пил, хвастался и пил. Рен-Рендук праздновал. Максиму оставалось сидеть рядом с ним, слушать и мысленно просить, чтобы этот «праздник» быстрее закончился.

Когда гость поднялся из-за стола, от пиршества осталась только грязная посуда да несколько раздавленных ягод на дне туесков.

– Все, пора. Ладья в первом часу отплывает, вздремнуть еще надо. – Тиун, пошатываясь, двинулся к двери. Уже схватившись за ручку, обернулся: – Ты удрать не вздумай! Понадобись еще, понял?

Икнул, погрозил Максиму пальцем и вышел.

Когда громко хлопнула калитка забора, в гостиную вернулся Шур.

– Ушел? – поинтересовался.

– Да. Он в Задверь уплывает.

- Хорошо. Я тоже собираюсь уходить отсюда. И Гундарин. А ты?
 - Разумеется! Это же не Земля. Я готов сбежать хоть сейчас!
 - Не сейчас. – Шур потрянул гривой. – Гундарин враг здесь, я – чужой. И ты чужой, хоть и человек. Но ты можешь выучить язык. Разговаривай с ними, слушай, запоминай. Стань своим.
 - Угу. – Максим помедлил. Спросил осторожно: – Шур, как ты думаешь, мы до сих пор на Вирии? Ну, на той самой планете? Или уже на другой?
- Сфинкс ответил не сразу. Долго смотрел на него и лишь затем произнес:
- Не знаю. Недостаточно информации.

Легко Шуру было предлагать – «разговаривай с ними»! Максим никогда не любил лезть к незнакомым людям с расспросами. Да что там «не любил» – терпеть этого не мог! Характер такой, интроверт. Чтобы с кем-нибудь сойтись, сдружиться, ему требовалось немало времени. Например, Димку Мёрзлого он с детства знал. С одноклассниками, опять же, десять лет на соседних партах сидели. С дворовыми уже сложнее: с одними дружишь, а с другими и связываться не хочется. Со взрослыми – и того хуже. Нет, не умел Максим так запросто заводить себе новых знакомых. Даже на Земле, в родном городе не умел. А здесь и подавно! Но Шур был прав – пока не выучил язык, о поисках двери в этом мире можно и не мечтать. И Максим принялся за работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.